

Гностицизмъ и борьба церкви съ нимъ во II-мъ вѣкѣ.¹⁾

„Ἀρχὴ τελειώσεως γνῶσις ἀνθρώπου, Θεοῦ δὲ γνῶσις ἀπηρτισμένη τελείωσις“. Hippolytus.

Unde malum, et quare? et unde homo, et quomodo? et ...unde Deus? Tertullianus.

...„Τίνας ἡμεν, τί γεγονάμεν· ποῦ ἡμεν, (ἡ) ποῦ ἐνεβλήθημεν· ποῦ σπεύδομεν, πόθεν λυτρώμεθα“.
Clemens Alexandrinus.

...Διὰ γνῶσεως καταλύεσθαι πᾶσαν τὴν ἐκ τῆς ἀγνοίας οὐσταν. ὥστε τὴν γνῶσιν ἀπολύτρωσιν τοῦ ἐνδον ἀνθρώπου. Irenaeus.

Plerique nec ecclesias habent, sine matre, sine sede, orbi fide, extorres, sine lare vagantur“. Tertullianus.

Призванный занять Ваше просвѣщенное вниманіе въ этотъ торжественный для Академіи день, я избралъ предметъ своей рѣчи ересь-гностицизмъ и борьбу церкви съ нимъ во II-мъ вѣкѣ.

Мы будемъ говорить о томъ синкретическомъ теченіи, когда языческіи религіи, бывши не въ силахъ поодиножкѣ удовлетворить религіозно-правственныя потребности чело-вѣка, соединились вмѣстѣ и привлекли на помощь къ себѣ еще философію,—о томъ религіозно-философскомъ движеніи, которое обняло весь античный міръ въ вѣкѣ рсждества Христова, вторглось въ молодое христіанство уже въ I-мъ вѣкѣ, пышно развилось здѣсь, обогатившись отъ него, во II-мъ столѣтіи, угрожало самому бытію еще не вполне тогда организованной церкви и—побѣжденное—еще долго-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ въ Киевской Духов-ной Академіи 26 сентября 1912 года.

Пусть нѣкоторымъ извиненіемъ неполноты рѣчи, глав. образ. вто-рой части, особенно о Климентѣ Алекс. и Оригенѣ,—послужить крат-кость срока, предоставленнаго для подготовки къ произнесенію рѣчи—двухмѣсячнаго, вмѣсто годичнаго.

долго волновало церковь. Въ цвѣтущее время гностицизма рѣчь шла не болѣе не менѣе, какъ о томъ—быть или не быть самому популярному представителю гностицизма Валентину ¹⁾—епископомъ старѣйшей и вліятельнѣйшей каеодры древняго Рима, а родственному гностикамъ Маркіону ²⁾, этому, по сильному выраженію св. Поликарпа, „первенцу сатаны“ ³⁾,—пресвитеромъ (*πρεσβύτερος*, *präseiter*) той же церкви. И хотя гностикамъ не удалось овладѣть римскою церковью, однако весьма знаменательна и о многомъ говоритъ уже самая дерзновенность попытки... Насколько была серьезна опасность отъ гностицизма для церкви—объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ жаркая и продолжительная полемика противъ него. Отъ Иустина Мученика и Агриппы Кастора, отъ Египиппа и автора апокрифическаго произведенія „Киригмы Петра“ до пограничныхъ линій, отдѣляющихъ древній міръ отъ среднихъ вѣковъ, т. е. до того времени, когда о гностицизмѣ оставалось почти одно воспоминаніе—каеолитическая церковная письменность занималась еще пораженіемъ многоголовой Мурпейской гидры. Сила гностицизма была почувствована и эллинистической языческой философіей, въ образѣ неоплатонизма завершавшей свой путь. Неоплатоникъ Плотинъ пишетъ полемическое сочиненіе противъ гностиковъ: „*Πρὸς Γνωστικούς*“.—Наиболѣе энергичная борьба съ гностицизмомъ падаетъ на II-й вѣкъ (и начало III-го), когда

¹⁾ *Tertullianus. Adversus Valentinianos.* c. IV. (*Patrologiae cursus completus. Series latin.* Т II, с. 516). Рус. пер. Н. Н. Щелова ч. II, Киевъ 1911, стр. 63.

²⁾ *S. Ephraim Panaria* Haer. XLII. (*Corpus haeresiologicum*—Fr. Oehler. Т. II, р. 354—355).—Въ новѣйшее время начали выдѣлять Маркіона изъ среды гностиковъ (напр. Гарнакъ, Цангъ, Р. Зеебергъ, Люшеръ и др.) и смотрѣть на него, какъ на реформатора церкви, доведшаго до абсурда принципы ап. Павла. Дѣйствительно, у Маркіона нѣтъ столь характернаго для гностиковъ ученія объ эонахъ, онъ не выдумываетъ для своего ученія новыхъ откровеній и пользуется новозав. св. писаніемъ, урѣзавъ и извращая его. Съ гностиками его связываетъ его учитель Кердопъ.

³⁾ *S. Irenaeus. Contra haeres.* III, III. 4. (*Migne. Patrologiae cursus completus* VII, с. 853), рус. пер. Преображенскаго. 2 из. стр. 224.

выступили такіе знаменитые гностики, какъ Саторниль и Василидъ, Кердонъ и Маркіонъ, Валентинъ и Итоломей и др. Церковь въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей—св. Ириней, епископа Ліонскаго, св. Ипполита, папы Римскаго—и такихъ богатоодаренныхъ писателей, какъ Тертуллианъ, Климентъ Алекс. и Оригенъ—отразила натискъ и вышла изъ этой побѣдоносной борьбы единымъ соорганизованнымъ институтомъ—съ апостольскимъ канономъ священныхъ книгъ, основными нормами апостольской вѣры (*regula fidei*, *κανὼν τῆς ἀληθείας*) и съ апостольскимъ преемствомъ іерархическихъ лицъ, какъ живыхъ носителей апостольскаго преданія.

Одинъ изслѣдователь гностицизма, посвятившій изученію его не одинъ десятокъ лѣтъ, ставить въ предисловіи къ своему сочиненію о гносисѣ¹⁾ вопросъ: къ чему тотъ громадный трудъ, какой тратится учеными въ данной области? не принадлежитъ ли гносисъ къ явленіямъ древнихъ вѣковъ, отошедшихъ въ вѣчность? не справедливо-ли о немъ слово евангельское: „предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ“?—и отвѣчаетъ: если геологи сверлятъ землю, если палеонтологи роются въ пластахъ ея, чтобы знать исторію земли, то тѣмъ предпочтительнѣе знать исторію религіозныхъ движеній и въ особенности исторію своей вѣры. Мало того—скажемъ. Несмотря на то, что насъ отдѣляютъ отъ того времени цѣлые вѣка, христіанскій гностицизмъ не есть для насъ предметъ лишь историческаго вѣдѣнія. Справедливо говорятъ, что многими невидимыми, но дѣйствительными нитями настоящее связано съ прошедшимъ, а въ церковной области это болѣе, чѣмъ во всякой другой. Въ 1903 и 1907 гг. пфкто Евгений Гейнрихъ Шмитъ²⁾ издалъ

¹⁾ *W. Bousset. Hauptprobleme der Gnosis. Göttingen. 1907. S. 7—8.*

²⁾ *E. H. Schmitt. Die Gnosis. Grundlagen der Weltanschauung einer edleren Kultur. B. I. Die Gnosis des Altertums. Leipzig. 1903, S. 9.—B. II. Die Gnosis des Mittelalters und der Neuzeit. Jena. 1907*

въ Лейпцигѣ и Іенѣ въ двухъ томахъ сочиненіе: „Гносисъ, Основы міровоззрѣнія высшей культуры“, гдѣ онъ опредѣляетъ гносисъ, какъ углубленіе въ самого себя, и только потомъ и чрезъ это, какъ познаніе внѣшнихъ явленій. Онъ проводитъ гностическое теченіе чрезъ средніе вѣка и доводитъ его до нашихъ дней. Гностическими явленіями оказываются у него—и манихейство, и каббала, и квакерство, и нѣмецкій мистицизмъ, и русское духоворчество. Къ гностикамъ онъ причисляетъ—Скота Еригену, Шведенборга, Фр. Нитцше, самого себя и „выдающагося гностическаго учителя настоящаго времени—Льва Толстого“¹⁾. Пусть самъ авторъ человѣкъ нѣсколько странный, мистически и оппозиціонно настроенный къ церкви и даже къ современной наукѣ; но важно сознаніе имъ связи ненормальныхъ явленій въ церковной жизни съ гностицизмомъ: вѣдь подобное познается подобнымъ. А вотъ и другое свидѣтельство, принадлежащее человѣку, котораго заподозрить въ ненормальности уже никакъ нельзя. Современный намъ папа Пій Х въ своей энцикликѣ противъ модернизмовъ „*Pascendi dominici gregis*“, отъ 8 сент. 1907 г. указываетъ, что въ модернизмѣ возраждается древній гностицизмъ. Еще одно интересное свидѣтельство. Волфгангъ Шультцъ²⁾, авторъ недавно вышедшей книги о гносисѣ, дѣлаетъ сближеніе между гностиками и новѣйшими теософами, которыми изобилуютъ и нашъ древній градъ. Теософы такъ же, какъ и гностики, не удовлетворяются знаніемъ естественнымъ, научнымъ и философскимъ и утверждаютъ, что человѣкъ достигаетъ совершенства, ища другого сверхънатуральнаго знанія. Какъ и у гностиковъ, мы у нихъ такъ же замѣчаемъ религіозныя наклонности, стремленія къ образованію обществъ-кружковъ, заня-

¹⁾ В. I. S. 4—5.

²⁾ *Wolfgang Schultz* *Documente der Gnosis* Iena. 1910. S. VI—VII.

тіе научными вопросами и т. п.¹⁾.—Всѣ эти сближенія нѣ-
которыхъ современныхъ явленій съ гностицизмомъ отнюдь
нельзя считать навязанными или произвольными. Въ самомъ
дѣлѣ, что такое гностицизмъ, какъ не экзотическое расте-
ніе, возникшее—выразимся образно, хотя и не поэтично—
изъ разложенія, тлѣнія древнихъ религій и культуръ, сне-
сенныхъ въ одну груду т. н. эллинистическимъ теченіемъ.
Корни гностицизма въ языческихъ религіяхъ и до-христіан-
ской цивилизаціи. Между тѣмъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ
современнаго христіанскаго міра сохранилось еще много
языческихъ элементовъ; а наука наша и вся культура—да-
леко еще не проникнуты духомъ христіанства и не согрѣты
лучами его. Что же удивительнаго, если гностицизмъ, пита-
ясь все еще отъ живыхъ источниковъ, переживъ уже много-
много всякихъ фазъ, даетъ себя знать и въ наши дни, въ
различныхъ своеобразныхъ явленіяхъ—ученіяхъ и движе-
ніяхъ, хотя бы и въ толстовствѣ, теософствѣ, модернизмѣ.
Слѣдовательно, изученіе гностицизма вскрываетъ истинную
сущность многихъ современныхъ явленій, обнажаетъ корни
многихъ пышныхъ, но вредныхъ растений нашей религіозно-
общественной жизни, которые отъ такого обнаженія по-
степенно должны утрачивать свою жизнеспособность.

До-христіанскій и внѣ-христіанскій гносисъ, бывший
основаніемъ христіанскаго гностицизма,—является могучимъ

¹⁾ Но сравненіе гностиковъ съ теософами не въ пользу послѣд-
нихъ. Между ними большое разстояніе. Теософы—это люди, по словамъ
автора, „съ туманною головою и бѣшеннымъ сердцемъ“ (mit schwülem
Korpe und ungestumen Herzen). „Большинство изъ нихъ тѣшитъ тше-
славіе, что они занимаются научными вопросами, хотя на самомъ дѣлѣ
они до нихъ не доросли и при незрѣломъ стремленіи къ сверхнатураль-
ному и особенному они только забавляются пріятно.. Ибо даже самымъ
лучшимъ между новѣйшими теософами не достаетъ первоначальной си-
лы, порыва мысли, пренебреженія ко всякимъ ограниченіямъ, нравствен-
ной серьезности, ненасытимой жажды, пыла чувствъ, чѣмъ были непо-
бѣдимы древніе гностики“. W. Schultz. Ss. VI—VII.

потокомъ общаго синкретическаго теченія античнаго міра, доживавшаго свой вѣкъ. Синкретическое теченіе началось со времени походовъ Александра Македонскаго въ Азію, познакомившихъ западные народы съ восточными, и образовалось изъ смѣшенія религіи и культуры греко-римской съ азіатскими. Съ того времени наступилъ т. н. *эллинистическій періодъ* въ исторіи цивилизаціи. Эллинизмъ представлялъ собою весьма сложное явленіе меркнувшаго античнаго міра. Мы же имѣемъ въ виду только главныя теченія философской, моральной и религіозной жизни. Съ этой стороны названный періодъ характеризуется упадкомъ чисто теоретическихъ, философскихъ интересовъ и подъемомъ моральныхъ и религіозныхъ стремленій. На то существовали свои причины. Въ Греціи, главной носительницѣ тогдашней культуры, съ потерей политической самостоятельности и лишеніемъ національной свободы, творческій геній замѣтно ослабѣлъ и духъ народный уже не воодушевлялся высшими стремленіями къ общему благу, а обратился къ частной личной жизни. Мѣсто гениальныхъ философовъ—Сократа, Платона и Аристотеля заняли въ сущности незначительныя школы—стоическая, эпикурейская, скептическая и перипатетическая, жившія ихъ мыслями; и при этомъ, бывши не въ силѣ противиться пониженнымъ настроеніямъ народнаго духа, онѣ дали предпочтеніе нравственно-практическимъ проблемамъ предъ чисто-теоретическими, философскими. А когда мифологическая религія Олимпа окончательно потеряла всякое довѣріе и когда многіе начали искать замѣны ей въ философіи, то послѣдней и вовсе пришлось обратиться въ систему свѣдѣній съ религіознымъ и нравственно-практическимъ характеромъ.—Такъ обстояло дѣло, при столкновеніи двухъ культуръ, со стороны греческой. Что же касается восточной цивилизаціи, то отвѣтенная теоретическая философія никогда не была сферою востока. Его мысль всегда тяготѣла къ религіи и обращалась къ

области, по-видимому, наиболѣе связанной съ ней — къ звѣздному небу, и выработала теософію и астрологию. По свидѣтельству историковъ (напр. Мейера, Винклера, Группе), къ этой восточной цивилизаціи весьма близко стояла древняя греческая культура (и культъ), ибо она была дочь восточной, такъ что древній греческій мистицизмъ съ пифагорействомъ и древне-греческія вѣрованія считаются болѣе принадлежащими востоку, чѣмъ Греціи. Вслѣдствіе этого, чрезъ сближеніе съ востокомъ, усилились древніе вѣрованія простого греческаго народа, потому что они встрѣтили здѣсь родственную почву и много общихъ элементовъ. Съ упадкомъ художественной религіи Гомера и Гезіода, эти вѣрованія начали все болѣе и болѣе распространяться, такъ какъ ряды аристократіи, высшихъ классовъ въ порабощенной Греціи быстро убывали, а между тѣмъ низшіе классы все болѣе и болѣе пополнялись вольноотпущенниками, рабами и солдатами.—Вотъ какія обстоятельства сообщили синкретическому теченію эллинистическаго періода этико-религіозное направленіе. Въ послѣдній вѣкъ предъ рождествомъ Христовымъ философія чрезъ этику такъ близко подошла къ религіи, что послѣдняя была объявлена источникомъ высшаго знанія (и для философіи). Это мы видимъ въ философскихъ системахъ, проникнутыхъ всецѣло религіозно-мистическимъ духомъ—въ платонизмъ и неопифагорействъ. Извѣстный неопифагореецъ, изъ болѣе поздняго времени, Аполлоній Тіанскій изображается пророкомъ, живущимъ во храмахъ и бесѣдующимъ съ богами. Система неопифагорейскаго платоника Плутарха Херонейскаго отличается исключительно богословскимъ характеромъ¹⁾.

¹⁾ Обо всемъ кратко упомянутомъ здѣсь подробно мною говорится въ статьяхъ: „Философско-этическія и религіозныя теченія въ вѣкъ рождества Христова“ (Труды Киев. духов. Академіи. 1910, X—XII).

Подъ влияніемъ духа того времени началось особое творчество, незначительными слѣдами котораго являются сохранившіеся отрывки, напр. мифъ о твореніи въ Лейденскомъ папирусъ¹⁾, или космогонія въ Страсбургскомъ²⁾, мифъ о твореніи человѣка у наассеновъ³⁾, такъ называемая „герметическая литература“⁴⁾ и мандейскія писанія⁵⁾. Характерною чертою названныхъ памятниковъ является *усвоєніе релігіозному знанію исключительнаго значенія*. Это знаніе не было обыкновеннымъ теоретическимъ, но совершенно особымъ: это знаніе—сила, несущая человѣку небесное спасеніе. Часто это знаніе приближается къ внутреннему созерцанію или чувству—и такимъ образомъ тѣсно уравнивается съ εὐσεία, съ релігіознымъ, благочестивымъ настроеніемъ⁶⁾. Въ глубокой древности появилась секта мандеевъ, существующая еще и доселѣ. Слово „мандеи“—халдейское, въ переводѣ оно означаетъ—знающіе, γνωστοί, т. е. полагающіе путь спасенія въ знаніи⁷⁾.—Вотъ какими результатами сопровождалось синкретическое теченіе въ мірѣ язы-

¹⁾ *Al. Dieterich*. Abraxas. Studien zur Religionsgeschichte des spätern Altertums. Leipzig 1891, S. 3.

²⁾ *R. Reitzenstein*. Poimandres. Studien zur griechisch-ägyptischen und frühchristlichen Letteratur. Leipzig. 1904. S. 114.

³⁾ *R. Reitzenstein*. Poimandres. S. 82—102.

⁴⁾ Hermetischen Schriften. Die Ausgabe Partheys. 1854.

⁵⁾ *W. Brandt*. Mandäische Schriften. 1893.—Die Mandäische Religion, ihre Entwicklung und geschichtliche Bedeutung. Leip. 1889.

⁶⁾ Ποικιλότης увѣщаваетъ пророка быть путеводителемъ достойныхъ, чтобы родъ человѣческій чрезъ него былъ спасенъ Богомъ. И пророкъ началъ проповѣдывать людямъ *красоту благочестія и познанія* (καὶ ἡγεῖται ἡγεροῦσαι τοὺς ἀνθρώπους τοῦ τῆς εὐσεβείας καὶ γνώσεως ἀλλος). *R. Reitzenstein*. S. 337. 154, 4 55.

⁷⁾ Коренныя слова מַדַּי—mada и מַדַּיָּה מַדַּיָּה—manda de hajie—очень часто встрѣчаются въ древнѣйшихъ трактатахъ (6 и 8) манд писаній и они означаютъ—знаніе, знаніе жизни—γνώσις, γνώσις τῆς ζωῆς. См. *W. Brandt*. Mand. Schriften. S. 125.—*Man. Religion* S. 167.—*K. Kessler*, у Hauck'a. B. XII, 165.—*Bischoff* Im Reiche der Gnosis. Leipzig. 1906. S. 35 — *Petermann*. Reisen im Orient. B. II. Leipzig. 1861. S. 449.

ческомъ. Что же касается іудейскаго народа, то и онъ, при всей своей замкнутости и отвращеніи къ язычеству, былъ втянутъ въ это теченіе. Вѣка за два до рождества Хр. къ его воззрѣніямъ начали примѣшиваться чужія идеи—и это не только среди іудеевъ разсѣянія, напр. въ громадной Александрійской колоніи, но и на родинѣ, въ Палестинѣ. Такъ на почвѣ Палестинской явилась секта ессеевъ, а въ Египтѣ—секта терапевтовъ, происхожденіе которыхъ отнюдь нельзя выслѣдить изъ одного іудейства. Затѣмъ въ древнѣйшихъ частяхъ Талмуда, относящихся къ разсматриваемому времени, встрѣчаются указанія на какія то особыя богословскія теченія, уклонившіяся отъ ортодоксальнаго іудейства и въ крайнемъ своемъ выраженіи трактуемыя Талмудомъ, какъ еретическія—„*minim*“. Особенно процвѣтало среди раввинловъ даннаго времени занятіе космологіей и теогоніей, относившееся къ 1-й гл. кн. Бытія и видѣнью пр. Іезекииля¹⁾. Но наиболѣе іудейство подверглось вліянію со стороны языческихъ воззрѣній въ Александріи. Извѣстная іудео-александрійская философія, возглавленная Филономъ, имѣла своею цѣлью примирить іудейство съ греческой философіей эллинистическаго періода²⁾. Значеніе іудейскаго синкретическаго движенія для гностицизма не подлежитъ сомнѣнію. Егезиплъ³⁾ прямо производитъ ижеименный гносисъ изъ семи іудейскихъ и самарійскихъ народныхъ сектъ. А связь нѣкоторыхъ гностическихъ системъ съ

¹⁾ *W. Bacher. Die Agada der Tannaiten. Strassburg. 1903. S. 39.—Le Talmud de Jerusalem M. Schwab. T. VI Paris. 1883. Traite Haghiga II. 269—270. Талмудъ въ русск. переводѣ Переферковича, кн. 3—4, стр. 520.*

²⁾ О до-христіанскомъ и влѣ-христіанскомъ гносисѣ подробно трактуется въ моей статьѣ „Происхожденіе гностицизма“ (Труды к. д. Академіи. 1912, VII—VIII).

³⁾ *Eusebius Werke. B. II Die Kirchengeschichte. I, TI. III. 22 p. 368—370; рус. перев. т. I, стр. 209—210, ср. Іустинъ мученикъ—Разговоръ съ Трифономъ іудеемъ, гл. 80.*

философіей Филона до того близка, что многіе изслѣдователи производятъ хр. гностицизмъ прямо изъ Александріи.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, ко времени появленія христіанства, въ тогдашнемъ мірѣ господствовало смѣшеніе религиозныхъ и философскихъ воззрѣній, восточныхъ и западныхъ идей, греко-римскихъ, ассиро-вавилонскихъ, персидскихъ и іудейскихъ вѣрованій. Это синкретическое теченіе придавало особое значеніе знанію, основанному на откровеніи бога или боговъ. Тогда же явилась склонность къ жизни умѣренной, воздержанной, даже аскетической, какъ это видно изъ платонизма, неопифагорейства и іудейскихъ сектъ—есеевъ и терапевтовъ.—Разумѣется, появленіе христіанства не могло пройти не замѣченнымъ представителями синкретического движенія... Дѣйствительно, мы видимъ уже въ 1-мъ вѣкѣ, когда христіанство большинствомъ считалось лишь іудейской сектой, многіе „лжеучители“, „лжепророки“, „ругатели“, „этеродидаскалы“ языческаго и іудейскаго происхожденія прокрадываются въ христіанскія общины и вносятъ разстройство въ ихъ вѣрованія. Особенно малоазійскія общины клянутся такими лжеучителями. Съ ними борются апостолы—Петръ и Іуда; ихъ поражаетъ Павелъ, особенно въ Колоссахъ и Ефесѣ. Противъ нихъ же были направлены писанія св. ап. Іоанна Богослова.—Опровергая лжеученія, сами апостолы устанавливаютъ истинный γυνήσκ или ἐπίγνωσις (2 Петр. I, 2, 3, 5, 8, 20; II, 20; III, 3; Кол. I, 10; II, 2; III, 10; ср. 1 посл. Іоан. II, 3—5, 29; III, 24; IV, 7, и др.); у нихъ встрѣчается техническое наименованіе христіанской ереси гностицизма, какъ φεῦδονισμός γυνήσκ (1 Тим. VI, 20), идетъ рѣчь о „басняхъ и родословіяхъ безконечныхъ“ (Тим. I, 4), коими были переполнены системы гностиковъ и т. п. Словомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ характерѣ тѣхъ заблужденій, которыя угрожали христіанскимъ общинамъ еще въ 1-мъ вѣкѣ.—Въ то же время рядомъ съ

христіанствомъ стояли самарійскіе лжехристы—Досиеей, Симонъ Магъ и Менандръ. Одинъ изъ нихъ—Симонъ м., упоминаемый въ книгѣ Дѣян. VIII, считается у отцовъ церкви ересеархомъ, „отъ котораго произошли всѣ ереси“ и „получило свое начало лжеименное знаніе (γνώσις)“¹⁾. Наконецъ, въ самомъ исходѣ I в. является первый христіанскій еретикъ Керинозъ, извращавшій христіанское ученіе о единомъ Богѣ и лицѣ Ісуса Христа²⁾. Противъ него, по свидѣтельству св. Иринея³⁾, направлено евангеліе св. ап. Іоанна Богослова⁴⁾.

Въ теченіе I в. вторженіе іудейскаго и языческаго гносиса въ христіанство является еще частичнымъ и случайнымъ. Тогда не только язычники, но и іудеи не понимали еще силы христіанства, не имѣли предчувствія объ его высокомъ назначеніи. Лишь постепенно христіанство выросло въ сознаніи окружающаго общества въ своемъ прозномъ для языческаго и іудейскаго пониманія—величіи исключительной религіи. Этому способствовали особыя обстоятельства, преимущественно гоненія при Неронѣ и паденіе Іерусалима. Христіанство тогда отлило на востокъ—въ малоазійскія провинціи, за Іорданъ и порвало окончательно и вѣщную связь съ іудействомъ. Здѣсь начался быстрый ростъ христіанства и необычайный успѣхъ его. Объ этомъ крѣпкорѣчиво свидѣтельствуетъ въ началѣ II в. правитель Восточной Плиній Мл. въ своемъ известномъ письмѣ къ имп. Траяну, говоря: „множество людей всякаго возраста, всякаго

¹⁾ *S. Irenaeus*, *Contra haereses* I, 23, 24. (Migne. VII, с. 671—2); рус. пер. прот. Преображенскаго, изд. 2-ое, стр. 87—88—*S. Epiphanius*, *Κατὰ τῶν ἑρесиῶν*. XXI, 1 *Corpus haer. Oehler*. т. II р. 122; рус. перев. т. 42, ч. I, стр. 107.

²⁾ *S. Irenaeus* *Contra haereses* I. XXVI, 1. ep *S. Epiphanius*. *Haer.* XXVIII

³⁾ *Contra haer.* III. IX, 1.

⁴⁾ О гностицизмѣ вѣка апостольскаго у насъ идетъ рѣчь въ специальной статьѣ. (Труды к. д. Академіи 1912, XI)

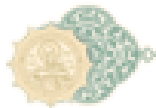
положенія, мужчинъ и женщинъ—вовлечены въ опасность... Зараза этого суевѣрія (т. е. христ. ученія) распространилась не по городамъ только, но и по селамъ и деревнямъ“, что языческіе храмы опустѣли и жертвенныя животныя не находятъ себѣ покупателей. Съ этого времени римская власть, въ лицѣ императоровъ дома Антониновъ, начинается гоненіе на христіанъ не только per flagitia, но даже per ipsum ipsum.

Одновременно съ тѣмъ, какъ открыла противъ христіанства свои дѣйствія внѣшняя государственная власть,—сдѣлала на него натискъ и духовная сила язычества, въ лицѣ гносиса. Смотрѣть ли на гносисъ, какъ на „вселенскій потопъ древней смутной мудрости“ ¹⁾, или какъ на „осадокъ религіозныхъ представленій восточнаго и эллинскаго міра“ ²⁾—во всякомъ случаѣ онъ „подготавливалъ переходъ отъ древняго міра къ новому“ ³⁾. Дѣйствительно, если взглянуть на появленіе гносиса съ высоты, à vol d'oiseau, такъ представится намъ величественное зрѣлище, и событіе окажется важнымъ, трогательнымъ и неизбежнымъ. *Древній міръ, признавъ въ лицѣ иностиковъ за христіанской религіей ея абсолютный характеръ и видя въ ней завершеніе прежняго мірового развитія, принесъ въ даръ христіанству будто-бы лучшія свои сокровища и сложилъ ихъ на пороги, на панерти церковной, прося ихъ принять. Язычество, видя агонію античнаго міра и предчувствуя близкій конецъ его, спасало, что могло, изъ его сокровищъ, и передавало ихъ въ наслѣдство христіанству, признавая за нимъ будущее. Разумѣется, здѣсь спасалось не все дѣйствительно самое цѣнное и луч-*

¹⁾ Herder. Aelteste Urkunde des Menschengeschlechts IV Th. Morgenländische Philosophie. Stuttg. und Tüb. 1827. S. 206. 214. См. у Baehr u. Die chistische Gnosis. Tübingen. 1835. S 4—5, anm. 3.

²⁾ H Usener. Religionsgeschichte Untersuchungen I Th Das Weihnachtsfest. Bonn. 1889. S. 25—26.

³⁾ E. Buonaiuti. Lo Gnosticismo. Roma. 1907 p. 63.

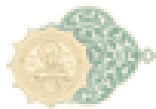

шее, а, какъ это бываетъ во время пожара,—наряду съ дорогимъ—и случайно подъ руку полавшееся, или незначительное по цѣнности, но важное по воспоминаніямъ, близкое сердцу. Значить, гностикъ былъ послѣдній завѣтъ христіанству, предсмертное завѣщаніе (Testamentum) міра языческаго, погружавшагося въ вѣчность.—Спускаясь въ среду жизненныхъ условій, необходимо имѣть въ виду, что невозможно было тогдашнему язычеству, справедливо гордившемуся своей цивилизаціей, и іудейству, владѣвшему откровенной религіей,—отказаться совершенно отъ своихъ духовныхъ сокровищъ и придти къ христіанству, такъ сказать, съ *tabula rasa* въ душѣ. Такихъ явленій не знаетъ психологія, ибо они противорѣчили бы основнымъ законамъ человѣческой психики.—Признавая всю важность, естественность и даже необходимость указаннаго явленія, нужно замѣтить, что бѣда здѣсь заключалась вовсе не въ томъ, что древній міръ, принимая христіанство, не могъ отказаться отъ своего духовнаго достоянія. Мы знаемъ, что христіанство въ ближайшемъ же времени оцѣнило по достоинству дѣйствительныя цѣнности античнаго міра, назвавъ, напр., Сократа и Платона христіанами до христіанства. Все зло состояло въ томъ, что неразумные поборники античнаго міра, принося христіанской церкви наслѣдство его, отнюдь не были равнодушны къ тому, какое употребленіе христіанство сдѣлаетъ изъ полученнаго дара. Они не хотѣли выслушать отъ христіанства авторитетнаго рѣшенія и подчиниться ему, а подсказывали ему свое и настаивали на немъ. *Формально* признавая за христіанской религіей ея завершительный и абсолютный характеръ, гностики не хотѣли принять ни христіанскаго ученія, ни того пути спасенія, какой оно указывало, какъ единственно-возможный. Все зданіе своихъ системъ и установленія, ведущія ко спасенію, котораго гностики также пламенно желали, они утверждали и строили изъ матеріала мнимо-откровенныхъ языческихъ ре-

лигій, или произвольныхъ, непосредственныхъ откровений отдѣльнымъ лицамъ—и на основаніи [различныхъ теогоническихъ и космогоническихъ философскихъ мнѣевъ. Христіанскимъ же ученіемъ они пользовались больше для наружной отдѣлки зданій своихъ системъ. Это была какая то странная попытка припаять къ глиня золоту и на паутинномъ сооруженіи утвердить драгоценный камень.

То обстоятельство, что языческій и іудейскій гностицизмъ врываются въ жизнь христіанства во II в. и тогда именно, вмѣсто спорадическаго явленія, начинается организованное движеніе гностицизма, — имѣетъ свое достаточное объясненіе въ условіяхъ развитія христіанства въ мірѣ. Христіанство, выступившее въ мірѣ, какъ новая абсолютная религія, какъ самостоятельная духовная сила, — рано или поздно должно было установить свои отношенія къ религіозно-нравственному наслѣдію древняго міра. Отношеніе къ языческимъ религіямъ опредѣлялось легко: христіанство просто исключало ихъ. Но въ мірѣ дѣйствовали еще іудейская богооткровенная религія и высокая эллинская культура. Необходимо было размежеваться съ іудействомъ и опредѣлѣть свое отношеніе къ эллинизму. Размежеваніе съ іудействомъ началось еще давно, съ первомученика Стефана и св. ап. Павла, но продолжалось оно и во II вѣкѣ, быть можетъ, до временъ Іустана Мученика¹⁾. Отношеніе къ эллинизму начало устанавливаться только съ II в. Стоитъ сравнить 1 посл. Коринѣ. Климента Рим. и сочиненія Климента Алекс. и въ особенности произведеніе Оригена „*Περὶ ἀρχῶν*“, чтобы видѣть какъ значительно за эти подтора вѣка воспользовалось христіанство, — разумѣется, со стороны

¹⁾ Св. Мученикъ Іустанъ въ своемъ „Разговорѣ съ Трифономъ“ (гл. XLVII.) замѣчаетъ, что онъ поддерживаетъ общеніе съ іудее-христіанами и вполне считаетъ возможнымъ для нѣтъ спасеніе. А для св. Иринея уже нѣтъ разграниченія среди іудействующихъ христіанъ: всѣ они «евіониты», слѣд. еретики I, XXVI, 2.

формально-методологической, при разработкѣ своего учения,—услугами эллинизма. Однако христіанство полагало опредѣленные грани въ своихъ отношеніяхъ къ іудейству и къ эллинизму. Но можно было опасаться, что при установленіи христіанствомъ нормальныхъ отношеній къ іудейству и язычеству, явятся попытки къ излишнему внесенію іудейства или языческаго эллинизма въ церковь и поставленію ихъ не на свое мѣсто. Такъ и случилось въ дѣйствительности. Нашлись лица, которые нарушили должныя границы и извратили мѣру нормальныхъ отношеній: вмѣсто того, чтобы увѣровать въ христіанство, не чуждавшееся жизненныхъ элементовъ древняго міра, они наоборотъ, базпярусь на началахъ язычества и іудейства, само христіанство стремились подчинить имъ и начали брать изъ него и прилагать къ своимъ фантастическимъ системамъ тѣ или иныя положенія. Таковы и были гностики¹⁾.—Ближайшимъ поводомъ для лжеумудрствованій гностиковъ послужило установленіе христіанами отношеній къ еврейскимъ ветхозавѣтнымъ книгамъ. Выясняя свое родство съ ветхимъ завѣтомъ, дѣлая христіанское употребленіе изъ еврейскихъ священныхъ книгъ—притомъ такъ, чтобы устранить претензіи іудеевъ на исключительное право быть христіанами и отвергнуть іудейское пониманіе вѣд. книгъ,—христіане прибѣгали къ *аллегорическому толкованію вѣд. писаній*. Это аллегорическое толкованіе ветхаго завѣта ап. Варнава,

¹⁾ «Гносисъ, говоритъ Baur (Die christliche Gnosis. Tübingen. 1835. S. 16), есть ничто иное, какъ попытка ввести въ христіанство всѣ космогоническія и теософическія спекуляціи, которыя составляли значительную часть религіи востока... „Гностики, при своемъ вступленіи въ христіанство имѣли правильное намѣреніе—отказаться отъ своей прежней вѣры, но пропитанные синкретизмомъ и подчиненные привычкамъ духа и сердца, которыя были крѣпче, чѣмъ ихъ новыя убѣжденія, они смѣшали, сначала безсознательно, потомъ съ оглядкой на прошлое и наконецъ, со всею ревностью, (смѣшали) старое и новое, религію съ философій, официальное церковное ученіе и таинственныя преданія».

послание котораго относится какъ разъ къ данному времени ¹⁾, называетъ „*совершеннымъ вѣдѣніемъ*“ (τελείαν τὴν γνῶσιν), которое нужно имѣть вмѣстѣ съ вѣрою ²⁾. Но разъ введенъ былъ интеллектуальный элементъ (γνῶσις), при изъясненіи христіанскихъ истинъ учителями церкви, то среди самихъ христіанъ многіе пожелали воспользоваться раціональнымъ принципомъ въ полной мѣрѣ для болѣе глубокаго пониманія членовъ вѣры. Однако здѣсь трудно было указать границы для примѣненія интеллектуальнаго принципа, и открывалось широкое поле для злоупотребленій всякаго рода, въ особенности—при пользованіи аллегорической методой ³⁾. Подтвержденіе сказанному мы находимъ у Оригена ⁴⁾: „Когда не только низшіе классы, какъ думаетъ Кельсъ, но и многіе изъ образованныхъ людей Греціи (τῶν παρ' Ἑλλάδι φιλολόγων) увидѣли въ христіанствѣ нѣчто достойное вниманія, то необходимо должны были возникнуть секты (αἵρέσεις) не пострасти только (οὐ πάντως) къ спорамъ и препирательству, но потому, что многіе изъ образованныхъ старались глубже проникнуть въ истины христіанства“ (διὰ τὸ σπουδαίον σπουδᾶς τὰ χριστιανισμῶ καὶ τῶν φιλολόγων πλείονας).

Золотой вѣкъ гностицизма падаетъ на первую половину II столѣтія, точнѣе—относится къ царствованію императора Адріана (117—138) и отчасти Антонина Старшаго (138—161) ⁵⁾. Но отдѣльные гностики (напр. Керпнѣъ) или группы гности-

¹⁾ Kirchen—und dogmengeschichtliche Quellenschriften II Reihe. Erst Heft. Die apostolische Väter F. X. Funk Tübingen 1906, S. XVII.

²⁾ „... ἵνα μετὰ τῆς πίστεως ὁμῶν τελείαν ἔχητε τ. γνῶσιν“ Funk S. 9. Рус. пер. пр. Преображенскаго, стр. 34.

³⁾ Ср. Ad. Harnack. Lehrbuch der Dogmengeschichte B. I. 4 Aufl. Tübingen. 1909. Ss. 245—248.

⁴⁾ Die griech. christlichen Schriftsteller. Origenes Werke 1 B. Котз Котзов. III, 12, p. 212, рус. пер. противъ Цельса пр. Писарева. Казань 1912, стр. 243.

⁵⁾ Die griechischen christlichen. Schriftsteller. Clemens Alexand. P. III. Stromata (VII—VIII)., VII, 17, p. 75; рус. пер. стл. 898.

ковъ (напр. офиты) появились ранѣе¹⁾ и далеко пережили II-й вѣкъ. Еще въ VI в. въ 530 г. извѣстенъ эдиктъ имп. Юстиніана противъ офитовъ.

При настоящемъ состояніи источниковъ²⁾ для изученія гностицизма, чрезвычайно трудно рѣшить вопросъ о

¹⁾ Извѣстное свидѣтельство Егезиппа у Евсевія (Н. Е. III, 32) о выступленіи лжеименнаго гносиса съ началомъ царствованія Траяна, хотя и до этого времени гносисъ дѣйствовалъ во мракѣ неизвѣстности (ἐν ἀλήθειᾳ ποὺ σκῆτει)—относится учеными лишь къ Палест. церкви. Usener. Religionsgeschichte Untersuchungen Das Weihnachtsfest Bonn. 1889. S. 104.—A. Harnack. Lehrbuch der Dogmengeschichte. B. I. S. 268, anm. 2.

²⁾ Подлинныхъ гностическихъ произведеній сохранилось очень мало, притомъ изданныя изъ нихъ относятся къ довольно позднему времени (III му в.). На основаніи кодексовъ Аскевіанскаго и Врукіанскаго въ настоящее время изданы—Pistis Sophia, двѣ книги Jeu, или лучше двѣ книги о великомъ Λόγος; кита рогтѣров, неизвѣстное (безъ заглавія) гностическое произведеніе и нѣсколько фрагментовъ. См. Die griechischen christl. Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. Koptisch—gnostische Schriften B. I. Leipzig. 1905. Оба эти кодекса, по заявленію издателя C. Schmidt'a, тѣсно родственны междусобою, принадлежать севіанско-архонтской группѣ гностиковъ, произошли на почвѣ Египта и относятся къ первой половинѣ III. в. (см. Einleitung S. XXII—XXVI). Одинъ изъ этихъ кодексовъ—Врукіанскій K. Schmidtъ изслѣдовалъ ранее (Texte und Untersuchungen VIII 1—2. Leipzig. 1892) и пришелъ, что коптскій оригиналь Врукіанскаго (и Аскевіанскаго) кодекса есть переводъ съ греческаго (S. 344); въ этомъ изслѣдованіи перепечатанъ и коптскій оригиналь.—Кромѣ того въ папирусномъ манускриптѣ (стр. 71—71 л.), вывезенномъ изъ Каира Рейнгардтомъ (Reinhardt) въ самомъ концѣ XIX в. находятся еще такіа гностич. произведенія: 1) Εὐαγγέλιον кита Маріѣ или Ἀποκρυφον Ἰωάννου (извлеченія у св. Иринея I, 26). 2) Σοφία Ἰσοῦ Χριστοῦ—и 3) Πλάτης Πέτρος Изъ подробнаго описанія этого кодекса K. Schmidtъ слѣдуетъ, что первонач. языкъ кодекса греческій, переведенъ онъ былъ въ Египтъ на коптскій языкъ, когда гностицизмъ распространился среди туземцевъ. Настоящій манускриптъ относится къ V—вѣку. По содержанію данный кодексъ родственъ Врукіанскому; извлеченія изъ „евангелія Маріи“ у Иринея рѣшаютъ дѣло о принадлежности Рейнгардтскаго манускрипта большой семьѣ гностиковъ, именуемыхъ общимъ именемъ у Иринея „гностики“ (Sitzungsberichte d. konigl. Preussisch. Akademie der Wissenschaft. XXXIII. 2. Juli. 1896, Ss. 839—846)—Затѣмъ, уцѣлѣло нѣсколько оригинальныхъ гностическихъ отрывковъ у христіанскихъ ересеологовъ. Напр. посланіе Валентиніанава Пролома къ Флорѣ о законѣ Моисеевомъ (S. Eriphaninus.

происхожденіи гностицизма ясно и основательно, не возможно опредѣлить количество ¹⁾ гностическихъ сектъ, наименованіе ихъ ²⁾, мѣста и предѣлы распространен-

XXXIII, 3. Corpus haer. Oehler'a, II, 1. p. 400.; рус. пер. I, 364). Это посланіе подвергнуто специальному изслѣдованію А. Гарнака (Sitzungsb. d. k. p. Akademie d. Wissenschaft. 1902, 1, Ss. 507—545). Недавно сдѣлался извѣстнымъ фрагментъ изъ 'Εὐαγγέλιον γ' Βασιλίδας въ „Acts Archelai“ ed. Beeson. Leipzig 1906, c. LVII, S. 95—100. Этими актами устанавливается проповѣдь Василиды у Персовъ (Fuit praedicator apud Persas etiam Basilides, p. 96), а фрагментомъ—дуалистическій характеръ, возрѣній Василиды. У Климента Алекс. сохранились „Excerpta ex Theodoto“ (Валентиниана). Die gr. chr. Schriftsteller, Clemens A. III B p. 105—193). Оригенъ приводитъ въ своемъ комментаріи на св. Іоанна (Die gr. chr. Schriftsteller Origenes B. IV, p. 70, 77.) отрывки комментарія Гераклеона, старательно отмѣчая свое разногласіе съ нимъ. Потому у Оригена въ его сочиненіи противъ Нелъса встрѣчаются подлинные отрывки изъ ученія офіантъ. У св. Иринея есть подлинное извлеченіе изъ литургическихъ документовъ Маркіанъ (I, 19). Много гностическихъ гимновъ сохранилось въ Refutatio Ипполита (Ed. Dunker u. Sch. 134, 90—168, 51), въ особенности цѣнныя мнѣ о первомъ человѣкѣ. Нѣкоторые гимны Вардесана записаны св. Ефремомъ. Большинство гност. фрагментовъ собрано у Hilgenfeld'a. Die Ketzergeschichte des Urchristenthums. Leipzig, 1884. Ss. 453—630.—Свидѣнія о гностицизмѣ извлекаются глав. обр. изъ ересеологическихъ сочиненій св. Иринея, Ипполита, Тертуліана, Климента Алекс. Оригена, св. Епифанія, Филастрия, Теодорита и отчасти у Иеронима и Августина.

¹⁾ По свидѣтельству св. Иринея (I. XXIX, 1), гностики появлялись, какъ грибы изъ земли (velut a terra fungi). Ср. Епифаній. XXXI, 1.

²⁾ Климентъ Алекс. говоритъ (Строматы VII, 17): „изъ ересей однѣ носятъ имена своихъ основателей, какъ-то: Валентиніане, Маркіониты, Василидіане. Другія же изъ ересей называются по мѣсту своего происхожденія, напр. Ператики. Иныя же именуются по народу, изъ котораго вышли; таковы Фригіяне. Иныя по характеру жизни, которой отличались; таковы Эвкратиты, или воздержники. Нѣкоторые изъ нихъ характеризуютъ себя исповѣдуемыми ими ученіями, или догматами, напр. докеты и анматиты, или гематиты. Нѣкоторые другія отмѣчаютъ себя своими заблужденіями и почитаніемъ предметовъ, относящихся собственно къ культу идольскому; таковы кайниты и офиты. Иныя наконецъ обязаны своимъ именемъ безпутной своей жизни“. Между тѣмъ, были секты, которыя или сами себя называли (Карпократіане у Иринея I. XXV, 6, у Ипполита V, II—наассены) или назывались просто гностиками (Иринея I. XI, 1 ср. XXXI, 3; Епифаній—XXV, 2; XXVI, 1, 3; XXXVII, 1; XL, 1; XXXI, 1), какъ офиты. Затѣмъ Климентъ Аг. (VII, 17) упоминаетъ

нiя ¹⁾, премя жизни отдѣльныхъ еретиковъ ²⁾ и силу влiянiя ихъ; чрезвычайно трудно опредѣлить зависимость однихъ отъ другихъ ³⁾ и классифицировать ихъ ⁴⁾.

Вслѣдствiе сложности вопроса, спорности многихъ данныхъ и за недостаткомъ времени, имѣющагося въ нашемъ распоряженiи, мы, вмѣсто подробнаго выясненiя вопроса о происхожденiи гностицизма, исторiи его и изложенiя ученiя,

гностиковъ—айтатиовъ или гематитовъ, которые неизвѣстны изъ другихъ источниковъ. Ипполитъ выводитъ ваассеовъ и гностика Iустина, также помимо нигдѣ не названныхъ.

¹⁾ Попытку опредѣлить мѣста или стороны распространенiя гностиковъ см. у *Harnack'a D. Mission und Ausbreitung d. Christentems B. II. Leipzig. 1906. Ss. 262—265.*

²⁾ Упомянутое въ апологiи св. Iустина (I, 26) послѣ Симона и Менаандра Маркиона даетъ поводъ *Гарнаку* (*Zur Quellenkritik der Geschichte des Gnosticismus. Ss 78—79*) поставлять Маркиона непосредственно за Симономъ и Менаандромъ и по времени жизни. *Липсий* (*Die Quellen d. ält. Ketzergeschichte Leipzig. 1875. s. 5*) оспариваетъ его. Свидѣтельство Климента Алек. (VП, 17), что Маркионъ былъ старикомъ въ сравненiи съ Василидомъ и Валентиномъ, жившимъ при Адрианѣ—благопрiятствуетъ взгляду Гарнака. Ср. *Usener. Relig. Untersuchungen, S. 98..*

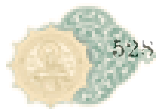
³⁾ На основанiи свѣдѣнiй, почерпнутыхъ у св. Iустина, св. Иринея и др. *В. Шульцъ* (*W. Schultz. Dokumente der Gnosis. XXXVIII*) такъ опредѣляетъ взаимную зависимость и родство еретиковъ.

Досиеей
Симонъ Магъ.

Менаандръ	Кердонъ	
Саторнилъ	Маркионъ	Валентинъ
Василидъ	Лукіанъ	Секундъ
Исидоръ.	Татьянъ	Итоломей
	Пренонъ	Маркъ
	Апеллестъ	Вардесанъ.
	Северъ.	

Между тѣмъ Егезиппъ (Евсевiй. Цер. ист. IV, 22) выводитъ гностицизмъ изъ иудейскихъ сектъ и измѣняетъ порядокъ еретиковъ производя изъ сектъ Симона, потомъ Клеовiя, затѣмъ Досиеея.

⁴⁾ По словамъ Цельса, въ то время среди христіанъ было множество сектъ и расколовъ. Оригенъ не отвергаетъ этого, и лишь выясняетъ причину (*Contra Cels. III, 12*). См о классификаціяхъ гностиковъ у *Lipsius'a. Allg. Encyclopädie—Ersch u. Gruber. Er. Sec. S. 284..* Гарнакъ признаетъ трудность классификаціи и бесполезность (*Lehrbuch D. G. S. 262, 267—8 --*).

можемъ предложить только общій взглядъ на происхожденіе гностицизма, дать схему развитія ереси и указать основныя проблемы, надъ рѣшеніемъ которыхъ трудился гносисъ.

Родина гностицизма — востокъ, точнѣе месопотамская низменность, Сирія и Самарія. Это положеніе почти общепризнано ¹⁾. Въ настоящее время всѣ соглашаются и съ тѣмъ, что древнѣйшій видъ гносиса представляетъ собою *офитство* ²⁾. Основное ученіе офитовъ, по Оригену, Иринею и Епифанію, состояло въ почитаніи великой богини „матери“, которая называлась „μήτηρ φωτεινή (S. Epiphanius. haeres. XL, 2) «ή μητήρ τ. ζώντων (— haer XXV, 10), «ή ἄνω Μήτηρ» (— haer. XXXVII, и ср. XXXIX, 2) ³⁾. У Оригена мистъ молится архонту Элоею: пошли мнѣ, приносящему символъ твой матери (τῆς σῆς μητρός φέροντά τοι σύμβολον), благодать“... ⁴⁾. Μήτηρ называется также παρθένος (Κατὰ Κέλσου—VI, 31, 34), или παρθενικὸν πνεῦμα ⁵⁾. У этихъ гностическихъ сектъ встрѣчается

¹⁾ Даже А. Гарнакъ, который видитъ (Lehrbuch d. DG⁴, S. 250) въ гностицизмѣ лишь острую эллинизацию христіанства (die acute... Hellenisierung des Christenthums), какъ бы не хотя вынуждается признать сирійскій гносисъ первоначальнымъ, въ качествѣ „предварительныхъ ступеней великихъ гностическихъ школъ“. (Ss. 273—4. Ср. 271).

²⁾ Hippolytus. Refutatio V, 6 (initio ab eis ducto, qui sunt erroris auctorem serpentem celebrare) начинаетъ съ офитовъ, [которыхъ онъ называетъ наасеными, изложеніе гностич. ересей. См. Lipsius—Ersch. u. Grub. Ss. 206...—Zeitschrift f. Wissenschaft. Theol. 1863. Heft. IV, Ueber die ophitischen Systeme. Ss. 416... A. Dietrich. Abraxas. Ss. 148—149.—M. Friedländer. Der Vorchristliche Jüdische Gnosticismus 68—69... Mansel. The Gnostic Heresies. London. 1875 p. 96...]

³⁾ У св. Епифанія ереси XXXVII и XXVI посвящены гностикамъ офитамъ; а въ XL идетъ рѣчь объ архоникахъ. Но архоники суть вѣтве гностиковъ, сохранившихся въ Палестинѣ до временъ Епифанія—XLI. Имя ихъ происходитъ отъ архонтовъ, семи духовъ, почитателями которыхъ они были (Origenes. Κατὰ Κέλσου—VI, 27: λέγει τον ἀρχοντα τῶν ὀνομαζομένων ἀρχοντικῶν λέγεσθαι θεόν). Къ офитамъ же принадлежатъ—каиниты и сиеіане (св. Епифаній—ср. XXXVIII—XXXIX). См. объ офитскихъ сектахъ Leichtenhan у Hauck'a.

⁴⁾ Origenes. Κατὰ Κέλσου, VI, 31,

⁵⁾ Вторая кн. Іеу или книга о великомъ κατὰ ρυστήριον λόγος. С. 52 (K Schmidt, Koptisch—gnostische Schriften. B. I. S. 326).

часто имя Варбело (Βαρβηλώ, Barbelo)¹⁾. По объясненію Буссе²⁾, это слово представляет собою искаженіе παρθένος, посредствующимъ звеномъ къ чему могло служить слово Παρθένως у св. Епифанія (Наег. XXVI, 1; ed Oehler, II, 1. p. 170)³⁾. Встрѣчающееся у этихъ гностиковъ имя Норія⁴⁾, вѣроятно, означаетъ также дѣва евр. נִרְיָ. Въ другой вѣтви тѣхъ же гностиковъ тоже самое μήτηρ выступаетъ уже не дѣвою, дѣвственницей, а совершенно наоборотъ—распутной женщиной и называется Προώνихος, т. е. страстная, гетера⁵⁾. У Оригена Παρθένος и Προώνихος—уравниваются, какъ два имени одного и того же существа⁶⁾. Эта великая мать богиня Μήτηρ, Παρθ. Προον. позже іуданизировалась и называлась—Sophia, Rucha⁷⁾. — Рядомъ съ матерію образъ отца стоитъ рѣшительно на заднемъ планѣ, въ тѣни⁸⁾. Все происходитъ отъ матери богини; въ сакраментальномъ культѣ ей предоставляется первое мѣсто⁹⁾. При этомъ заслуживаетъ также вниманія, что у Валентиніанъ Ахамоть, прототипомъ которой является Μήτηρ офитовъ, называется болѣе почет-

¹⁾ *Ириней*. I. 29, 1;—Епифанія. Ерес. 25, 2; 26, 10.—Филастрий—гл. 33.—*Pistis Sophia*. K. Schmidt. B. I. Namen-und Sachregister. S. 386.

²⁾ Hauptprobleme der Gnosis. Göttingen. 1907. S. 14.

³⁾ Однако это объясненіе не есть единственно возможное. Матеръ (*M. J. Matter*. Histoire critique du gnosticisme. T. II, Strassbourg-Paris. 1843 p. 201) производитъ слово Barbelo отъ евр. בַּרְבֶּלֶת, дочь Господа. Бога. *Гарсей*, издатель Ириней, объясняетъ это слово изъ сирскаго—варва—ило, Богъ въ четверицѣ.

⁴⁾ *Phlastrius*.—XXXII: „Isti Barbelo venerantur et Noriam“. (Patrologiae cursus completus. Migne. T. XII, c. 1148). Норія эта по Епифанію (XXVI, 1) считалась супругою Ноя, сестрою Сиеа (*Ириней* I, 30, 9), она же-Пирра.

⁵⁾ *Епифаній*. Ерес. XXV, 4, ср. XXV, 2; *Ириней* I, 29, 4;—30, 3; *Епиф.* XXXVI, 3

⁶⁾ „... καὶ Προώνικοῦ τινος ῥέουσιν δυνάμιν παρθένου“ Катх Кѣлсу. VI, 34.

⁷⁾ *Ириней* I, 29, 4;—30, 3; ср. *Ориген*. VI, 38.

⁸⁾ *S. Epirhanias* XXXVI, 10: ἡ μητήρ τῶν ζώντων βαρβηλώ καὶ πατήρ τῶν ὄλων (Отцу 2-ое мѣсто).—Въ *Pistis Sophia* (K. Schmidt, I, 233. 242) онаъ называется—ἀφρατός πατήρ.

⁹⁾ *Епифаній*, XXVI, 10.

нымъ именемъ—*xóruς*; тогда какъ спаситель просто *σωτήρ* ¹⁾. Эта Ахамоть стоитъ у валентинянъ въ центрѣ культа. — Рядомъ съ матерію и отцомъ встрѣчается иногда сынъ—*υἱός* — столь же тѣнеобразное существо, какъ и отецъ ²⁾. — Подъ начальствомъ богини — матери стоятъ семь архонтовъ:—*Jaldabaoth*, *Jao*, *Sabaoth*, *Adonaios*, *Astaphaios*, *Ailaoios* и *Oraios* ³⁾. По древнѣйшему представленію, она дѣйствительно всѣмъ имъ мать ⁴⁾, по болѣе позднему— она является матерью лишь *Jaldabaoth*'а ⁵⁾. Эти архонты представляютъ собою олицетвореніе планетъ. Такъ у Оригена ⁶⁾ читаемъ относительно *Jaldabaoth*'а: «*φασὶ δὲ τῷ λεοντοειδεῖ ἄρχοντι συμπάθειν ἄστρον τὸν φαίνοντα*» (лат. «*Hunc autem angelum leonisimilem aiunt habere cum astro saturni necessitudinem*»). Если *Jaldabaoth* былъ олицетвореніемъ Сатурна, по другіе архонты, несомнѣнно нужно полагать, были олицетвореніемъ другихъ планетъ ⁷⁾, по древнему астрономическому воззрѣнію соотвѣтственно ихъ удалености отъ земли: *Jao* — Юпитеръ, *Sabaoth*—Марсъ, *Adonaios*—Солнце, *Astaphaios*—Венера, *Ailaoios*—Меркурій, *Oraios*—Луна ⁸⁾. Эту священную седмирицу или—съ *ὀκτώτηρ*—осьмерицу Оригена (VI, 31—*ὀγδάς*) упоминаетъ также св. Иринеѣ, какъ *Sanctam hebdomadam* (1, 30, 9)

¹⁾ *Irenaeus*. I, 1, 3;—5, 3 (Migne. VII, с. 449, 496).

²⁾ Диаграмма Цельса у *Оригена* VI, 38; *Енифаній* XXVI, 10 Ср. *Иринеѣ* I, 29, 1;—30, 1.

³⁾ *Origenes*, Катѣ Келзов. VI, 31. Въ этой главѣ Оригенъ перечисляетъ только шесть архонтовъ безъ *Adonaios*'а; по изъ списка XXXI главы видно, что онъ здѣсь случайно пропущенъ; иначе бы не получилось числа 8 (*ὀγδάς*) и *Jaldabaoth*—не былъ-бы *πρῶτος καὶ ἐβδόμενος* (см. гл. XXXI).

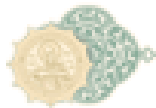
⁴⁾ *Origenes* VI, 31; *Енифаній*—XXVI, 10; XI, 2.

⁵⁾ *Иринеѣ* I, 30, 4; *Енифаній*. XXV, 2; XXXVII, 3; *Pistis Sophia*, с. 31.

⁶⁾ *Origenes* VI, 31.

⁷⁾ Ср. *Иринеѣ* I, 30, 9: „Подъ святою седмицею разумѣютъ они семь звѣздъ, которые называются планетами“.

⁸⁾ Ср. *Bousset*. Hauptprobleme der Gnosis. Ss. 10—11.

Архонты офіанъ Оригена взяты пмѣ изъ діаграмы ихъ (ἐν διαγράμματι—VI, 30). Эти архонты представляютъ собою „преграду ала (φραγδὸν καλίας), ворота въ вѣчность, врученныя ангеламъ“. Эти ворота должна пройти душа умершаго. У Оригена о душѣ умершаго не говорится (VI, 31); но идетъ рѣчь въ концѣ предшествующей главы (30 г.) о спасеніи (ἀλλοτρίων σωτηρίας, а salute alienorum), затѣмъ содержатся особыя магическія обращенія къ каждому архонту (гл. 31).

Вотъ древнѣйшая и простѣйшая форма гносиса. Съ небольшими измѣненіями эта форма встрѣчается во всѣхъ многочисленныхъ офитскихъ сектахъ ¹⁾. Слѣды такой формы замѣтны даже у самыхъ эллинизованныхъ изъ гностиковъ валентиніанъ. У нихъ содержится упоминаніе о семи и осьмерицѣ ²⁾—Если форму представленія—о семи архонтахъ и великой матери справедливо нужно признать древнѣйшею, то ясно видно, гдѣ зародился гностицизмъ: древняя Вавилонія—мѣсто рожденія его. Именно, въ Вавилонѣ вѣковъ за 5 до Р. Хр. почитали семь планетныхъ боговъ; а мать—богиня—это богъ вавилонская богиня Истаръ. Подъ различными именами она чтилась во всей передней Азии: въ Сиріи подъ именемъ Attargatis, въ мистическомъ культѣ Фригіи—подъ именемъ Kybele, у персовъ—Anactis, у арамейскаго населенія—подъ именемъ Астарты ³⁾. Сравнительно принятое положеніе семи планетныхъ боговъ въ древнѣйшихъ гностическихъ системахъ объясняется злополучною судьбою

¹⁾ Въ системѣ наассеновъ, значительно уклоняющейся отъ типа офитскихъ, тѣмъ не менѣе читаемъ (Hippolyt. Refutatio. V, 6, p. 132); „Ἄλλο σοὺ πᾶσις κτὶ διὰ τοῦ ῥήτος, τὰ θεοὶ ὄντως ὀνύματα... Зато у наассеновъ очень ясно говорится о спасеніи души. Refutatio. V, 10, p. 174. 176.

²⁾ *Приней* I, 5, 2: „Онъ уготовилъ семь небесъ, поверхъ которыхъ Диміургъ, и потому называть его седмерицею, а мать его—Ахамоеъ—осмерицею, сохраняющей за собою число начало родной и первой осмерицы“.

³⁾ Bousset. Hauptproblem. S. 26, ср. *Gruppe. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*. B. II. Ss. 1612—1614.

Вавилоня. За четыре съ половиною вѣка до р. Хр. Вавилонъ былъ покоренъ персами, и побѣдители простерли свое вліяніе и на религію побѣжденныхъ, низведя вавилонскихъ боговъ изъ самостоятельныхъ существъ въ служебныя. Новыя измѣненія въ вавилонскихъ религіозныхъ представленіяхъ произвело знакомство восточныхъ народовъ съ западною культурою, благодаря походамъ Александра Македонскаго. Получилось смѣшеніе религіозныхъ представленій—синкретизмъ. Съ этимъ синкретическимъ образованіемъ позднѣйшей вавилонской религіи имѣетъ связь маидейскій гносисъ, культъ Митры, древне-іудейскія секты, какъ осейство и баптизмъ. Отсюда же начинается и гностицизмъ ¹⁾.—Источники (писанія Оригена, св. Иринея, св. Елифанія) знакомятъ насъ только съ іудейскою формою гностицизма ²⁾. Но нѣкоторые изслѣдователи ³⁾ утверждаютъ, что это уже секундарная форма гносиса, ей предшествовала чисто языческая; на это говорятъ такіа ассировавилонскія фигуры—какъ богиня-мать и Jaldabaoth, имя котораго нельзя объяснить изъ чисто іудейскихъ корней и которое позже замѣняется дѣйствительно еврейскимъ именемъ—Саваоѣъ.—За языческое и именно восточное происхожденіе гносиса говоритъ слѣдующій частный фактъ. Ипполитъ (Refutatio IV, 2. p. 50) ведетъ рѣчь о Евфраатѣ Ператикѣ и Акембесѣ Каристіи (Εὐφράτης

¹⁾ Bousset. Hauptproblem. Ss. 10—58; E. Bischoff. Im Reiche der Gnosis. S. 26. Ср. Otto Seeck. Geschichte des Untergangs der antiken Welt B. III. Berlin. 1909. S. 243. Kessler у Hauck'a. XII, 158.

²⁾ Относительно названій архонтовъ (Ἄρχωντες, Ἐλεῖς и др.) Оригенъ замѣчаетъ, что они „ἀπο τῶν ἑβραίων ὑραφῶν“ (VI, 32). Затѣмъ онъ, кромѣ выше указавшихъ, приводитъ еще другія наименованія архонтовъ, еще менѣе оставляющія сомнѣніе въ своемъ еврейскомъ происхожденіи—Michael, Suriel, Raphael, Gabriel, Thautcabaoth, Erataoth, Thartharaoth—см. VI, 30.

³⁾ См. Bousset. Paulys Wissowa Real encyclopädie VII, 2. S. 1547; Grütpe. В. II, s. 1628, 6.—Имя Саваоѣъ, какъ отецъ воинствъ, сложилось у евреевъ не безъ ассировавилонскаго вліянія или знакомства съ вавилонянами.

с Πατακὸς καὶ Αλεμζήρ ὁ Καρότιος), какъ языческихъ астроногахъ, которые заимствовали свое „ἀστρολογικὴν μάθησιν“ у халдеевъ (р. 52); а въ другомъ мѣстѣ (V, 13, р. 182) онъ называетъ ихъ основателями ереси Цератиковъ (οἱ τῆς Πατακῆς αἰρέσεως ἀρχηγοὶ Εὐφορ)... Точно также Оригенъ говоритъ, что основателемъ ереси офіанъ былъ Евфратъ, особенно ими чтимый (Ἐὐφράτην τινὰ εἰσηγητὴν τῶν ἀνομίαν ἀδυνατῶντες λέγων—VI, 28), Между тѣмъ Климентъ Александрійскій относитъ ересь ператиковъ къ такимъ, которые получили свое имя отъ мѣста происхожденія (Strom. VII, 17). Исслѣдователь мандейской религіи Брандтъ говоритъ (Mandäische Religion 192), что Πατακὸς, какъ мѣстное имя, указываетъ на Forat-Maisân, вблизи Басры.

Итакъ гносисъ родился на востокѣ и есть въ сущности религіозное явленіе. Если бы гностицизмъ произошелъ отъ греческой философіи, въ Египтѣ, какъ нѣкоторые ¹⁾ утвер-

¹⁾ Известно, что есть исслѣдователи, которые доказываютъ, что гносисъ получилъ свое начало не на востокѣ, а на западѣ, въ Египтѣ и развился подъ вліяніемъ греческой философіи и древнеегипетскихъ представлений. См. напр. *M. Joël* (Blick in die Religions Geschichte. Breslau und Leipzig. 1880. S. 103), считая древнѣйшей формой гносиса—еврейскую форму, доказываетъ, что всѣ новыя идеи этого гносиса заимствованы у Платона, въ особенности изъ его діалога Тимей (S. 118).—*R. Reitzenstein* (Poimandres, s. 79) утверждаетъ, что и представленіе о семи планетахъ или небесахъ было въ Египтѣ, такъ что итъ нужда и здѣсь привлекать древнія вавил. вѣрованія.—Вѣра въ злыхъ архонтовъ, препятствовавшихъ восхожденію души будто бы заимствована изъ египет. мифа объ Осирисѣ и Изидѣ (*O. Seeck*, Geschichte des Untergangs. III, 241—2; ср. *A. Dieterich—Abraham*. S. 29).—Самымъ блестящимъ представителемъ разсматриваемой группы исслѣдователей является *Ад. Гарнакъ*. Онъ смотритъ на гностицизмъ, какъ уже указано выше, какъ на острое омірщеніе т. е. эллинизацию христіанства (Lehrbuch der Dogmengeschichte⁴. S. 250.); однако онъ не можетъ провести послѣдовательно своего взгляда. Онъ долженъ былъ признать и сирійскій гносисъ, хотя бы назвать его „вульгарнымъ и не считать“ фактомъ церковно-историческаго развитія“ (S. 249, 271, 273—4). Не имѣя возможности отрицать въ гносисѣ восточныхъ элементовъ, Гарнакъ сущность его полагаетъ все-таки въ эллинизмъ, уподобляя его существу съ „руками Исава, а голосомъ

ждають, то онъ долженъ былъ бы совпасть, или во всякомъ случаѣ быть близко родственнымъ съ неоплатонизмомъ, этимъ послѣднимъ отпрыскомъ греческой философіи. А между тѣмъ Плотинъ полемизируетъ съ гностиками. По мѣткому замѣчанію одного излѣдователя (Anz'a)—чрезъ все его сочиненіе „*Πρὸς Ὑποσηχούς*“ (II Елп. 9) проходитъ красною нитью такой притворъ: „Вы другого духа, чѣмъ мы“. (Ср. τὰ δὲ παρὰ τῶν ἄλλων ἐναντιώτατα κατεσκευάσθη διὰ πάντων; οὐδὲν γὰρ ἂν πλεον. οὕτω γὰρ περὶ αὐτῶν λέγειν ἡμῖν ἂν πρέποι.—Чрезъ все вы подтвердили противоположныя сужденія другихъ; ничего больше; такимъ бы образомъ намъ слѣдовало бы сказать относительно этого).

Зародившись въ месопотамской низменности, гностицизмъ двинулся на сѣверо-западъ, іудайзируясь на своемъ пути. Съ христіанствомъ впервые гностицизмъ встрѣтился въ Самаріи, а потомъ въ Сиріи¹⁾. Дослөөей, Симонъ магъ и Менандръ были самаритане; Саторний училъ въ Антиохіи. Отсюда гностицизмъ распространился по всей передней Азіи. Маркіонъ былъ родомъ изъ Синопа въ Понтѣ; Алкивіадъ принесъ книгу элkezантовъ въ Римъ изъ Апаменъ въ Сиріи. Гностицизмъ Симона м., Дослөөея и Менандра—былъ офитскій. Спутница Симона м. и Дослөөея, Елена—*ἑνώσα*—была воплощеніемъ богини Istar или Астарты²⁾. Затѣмъ офитскій гностицизмъ постепенно христіанизуется, какъ это мы видимъ въ офит. системахъ, записанныхъ у св. Иринея и св. Елифанія³⁾. Происхожденіе офитскаго гносиса, первоначальный типъ котораго составляетъ остовъ христіанскихъ

Іакова“. (S. 252. Ср. *Mission und Ausbreitung*. B. I, ss. 81, 146, 203, 211, 235, 241...).—За восточное происхожденіе гностицизма большинство излѣдователей—Lipsius, Schmidt, Anz. Bousset, Kruger, Kessler, King и др.

¹⁾ Ср. *Lipsius*. Allgemeine Encyclopädie. Ersch u Gruber. I, 11, 270—71. *Gruppe*. B. II, 1609—1611.

²⁾ См. *Gruppe*, B. II, 1612—1613.

³⁾ Иринея I, 30, 1; Епифанія. XXXII Ср. XXVI.

гностическихъ системъ,—не связано съ именемъ опредѣленнаго лица¹⁾, что говоритъ за его древность. И Симонъ м., какъ наиболѣе яркій представитель офитскаго гностицизма, считается христіанскимъ ересеархомъ²⁾. Собственно гностическая система Симона м. пришла въ соприкосновеніе и смѣшеніе съ христіанскимъ ученіемъ въ лицѣ одного изъ учениковъ Менаандра-Саторнила. *Саторнилъ первый*³⁾ *далъ систему христіанскаго гностицизма*⁴⁾. *Онъ есть отецъ сирійскаго гностицизма и отъ него именно нужно вести начало христіанскаго гностицизма*⁵⁾. «Саторнилъ, говоритъ св. Иринеи, подобно Менаандру, учить, что одинъ есть никому невѣдомый Отецъ, сотворившій ангеловъ, архангеловъ, силы и власти. семью ангелами сотворенъ міръ и все, что въ немъ находится. Человѣкъ есть также твореніе ангеловъ, которые, не могши удержать свѣтлаго образа, явившагося отъ вышей силы, такъ какъ онъ опять вознесся, совѣтовались другъ съ другомъ и говорили: «сотворимъ человѣка по образу и подобію». Когда онъ былъ сотворенъ, и его тѣло по слабости ангеловъ не могло стоять прямо, но какъ червь ползая, то сжалилась надъ нимъ высшая сила, и, такъ какъ онъ сотворенъ по его подобію, послала искру жизни, которая выпрямила человѣка, сдѣлала поворотливымъ и оживила. Эта искра жизни возвращается, говоритъ онъ, по смерти къ тому, что единопородно съ нею; прочее же разлагается на свои первоначальныя составныя части.—Спаситель, училъ Саторнилъ, не рожденъ, безтѣлесенъ, безъ вида, и только мнимо казался человѣкомъ, а Богъ іудеевъ есть одинъ изъ ангеловъ. И такъ какъ всѣ князья хотѣли

¹⁾ Ср. впрочемъ у Оригена (contra Celsum VI, 28) объ Евфраатѣ, какъ основателѣ секты ператиковъ.

²⁾ Иринеи I, XXIII, 2; Епифанія XXI, 1; XXIII, 2.

³⁾ Элементы христіан. ученія есть у Керивеа. Но его система стоитъ особнякомъ отъ прочихъ гностическихъ системъ.

⁴⁾ Ср. Mansel, p. 180.

⁵⁾ Ср. *Послѣдніе Апостолы*, въ Миссъ, Гринетъ, XV, p. 67, 75.

уничтожить его отца, Христосъ пришелъ для уничтоженія бога іудейскаго и для спасенія вѣрующихъ въ него, т. е. имѣющихъ ту искру жизни. Онъ первый утверждалъ, что ангелами сотворены два рода людей — добрый и злой. И такъ какъ демоны помогли злымъ людямъ, то Спаситель пришелъ для уничтоженія злыхъ людей и демоновъ и для спасенія добрыхъ. Бракъ и рожденіе дѣтей, по ихъ словамъ, отъ сатаны. Нѣкоторые изъ его послѣдователей воздерживаются отъ мяса животныхъ и обольщаютъ многихъ такою мнимою воздержанностью. Далѣе говоритъ Саторниинъ, что нѣкоторые пророчества произошли отъ ангеловъ, сотворившихъ міръ, а другія отъ сатаны, котораго онъ принимаетъ за ангела — противника міроздателей, преимущественно же бога іудейскаго¹⁾.—Соученикомъ Саторниила у Менандра былъ *Василидъ*, также сиріецъ (Епифаній — Ерес. XXIII, 1, 7; XXIV, 1). Утвержденіе Евсевія (Цер. Истр. IV, 7), что Василидъ—былъ александріецъ, основано на не пониманіи св. Иринея, который только говоритъ, что Василидъ, будучи соученикомъ Саторниила, ученіе свое распространялъ въ Александріи (I, XXIV, 1). Св. Епифаній указываетъ и другія страны, гдѣ проповѣдывалъ Василидъ (Ер. XXIV, 1). Въ актахъ Архелая²⁾ говорится: „Fuit praedicator apud Persas Basilides“. Отсюда слѣдуетъ, что Василидъ проповѣдывалъ и на востокѣ и въ Египтѣ, при чемъ эволюционировалъ отъ дуализма къ монизму. Доказательствомъ этого служатъ двѣ различныя системы, приписываемыя ему. Первая система, записанная у св. Иринія (I, 24, 3—7; II, 16) и Епифанія (Ер. XXIV), подобно Саторниловой, т. е. дуалистическаго характера. Вторая система, изложенная св.

¹⁾ Иринея I, XXIV, 1—2, ср. Епифаній. XXIII; Ипполитъ. VII, XXIII.

²⁾ Die griechischen christ Schriftsteller. Hegem nius. Acta Archelai ed C. H. Beenson Leipzig. 1908, p. 96.

Ипполитомъ (Refutatio, VII, 27; X, 14), который поставляетъ еѣ въ прямую зависимость отъ Аристотеля (VII, 1—19), составлена Василидомъ, по переселеніи въ Египетъ¹⁾; эта система позднѣйшая²⁾, сильно грецизирована и приближается къ системѣ Валентина—египтянина³⁾

Переселеніе Василида въ Египетъ составляетъ эпоху въ развитіи гностицизма. Василидъ положилъ начало alexandрійскому гностицизму и по справедливости считается „первымъ египетскимъ гностикомъ“⁴⁾. Усиѣху и широкому распространенію въ Египтѣ системы Василида содѣйствовало то обстоятельство, что онъ имѣлъ непосредственнаго продолжателя своего дѣла въ лицѣ своего сына Исидора⁵⁾. Карпократъ также училъ въ Египтѣ⁶⁾. Здѣсь же дѣйствовали гностики стратоники⁷⁾. Но самымъ яркимъ представителемъ alexandрійскаго гностицизма, который находится подъ сильнымъ влияніемъ эллинской философіи, считается *Валентинъ*. — Оригинальными памятниками египетскаго гностицизма являются гностическія сочиненія на коптскомъ языкѣ—книги *Jeû* (хатъ *postôron lôçes*), *Pistis Sophia* и нѣкоторые фрагменты, изданные К. Шмидтомъ. Онъ ясно говоритъ, что P. S. „предоставляетъ сирійскій гностицизмъ на Египетской почвѣ“⁸⁾ и приводитъ доказательства для этого⁹⁾.

¹⁾ Кроме *Св. Причя* (I, XXIV, 1), о пребываніи въ Египтѣ Василида говоритъ св. Ипполитъ. VI, 27 (въ концѣ).

²⁾ Ср. *Galienfelds*, — *Lucifer* — Ersch u. Grub. 271. Но проф. В. Болотовъ. (Лекции по исторіи древней церкви II, стр. 198) утверждаетъ обратное.

³⁾ Интересно мнѣніе Амелино (*Annales* p. 85), который доказываетъ *единство* ученія Василида въ обоихъ источникахъ, т. е. и у св. Причя и у Ипполита.

⁴⁾ Amelineau p. 77;

⁵⁾ *Hippolytus*, Refutatio. VII, 20.

⁶⁾ *Климентъ Алекс.* Строматы. III, 2.

⁷⁾ Епифаній. Ересъ XXVI, 3.

⁸⁾ К. Schmidt, Gnostische Schriften in koptischer Sprache. Leipzig. 189¹. S. 565.

⁹⁾ Gnostische Schriften, S. 559.

Изъ Египта гностицизмъ двигается въ Римъ, ибо въ тогдашнее время все хорошее и дурное знало пути въ Римъ и направлялось туда. Валентинъ ¹⁾ пришелъ въ Римъ изъ Египта, Алкивиадъ — изъ Апомеи, Кердонъ ²⁾ — изъ Сиріи, Маркіонъ ³⁾ изъ Синопа. Карпократиане имѣли своей представительницей въ Римѣ Марцелину. Римъ явился уже послѣднимъ этапомъ въ развитіи гностицизма. Достигнувъ Рима, какъ своей вершины, гностицизмъ падалъ.

Какъ видно изъ сказаннаго, гностическія системы, происходя изъ общаго источника, подверглись большимъ измѣненіямъ. Первоначальный восточный по преимуществу религіозный характеръ ихъ подвергся сильнымъ вліяніямъ со стороны греческаго философскаго духа; простыя формы переходили въ болѣе сложныя и т. п. Однако есть возможность отмѣтить общіе признаки гностическихъ ученій. Это *дуализмъ* ⁴⁾, *симиуризмъ* и *докетизмъ*. Также можно указать тѣ главные вопросы, рѣшеніемъ которыхъ занимался гностицизмъ. Таковы вопросы о Богѣ, матеріи, Диміургѣ, Христѣ-Спасителѣ, о человѣкѣ и его спасеніи.

Гностицизмъ исходитъ изъ абсолютнаго первоущества. *Богъ* есть существо, само въ себѣ заключенное, безъ начальное, далекое, необъятное, — это первооснова, не нуждающаяся въ основаніи для себя (*ἄρρητος, ἀπρόσβλητος*). Будущи безконечно возвышеннымъ надъ всѣмъ сущимъ, Богъ съ другой стороны, есть первоэонъ, совокупность идей и духовныхъ силъ. — Первооснова раскрывается — Богъ всту-

¹⁾ Иринеи, III, IV, 3.

²⁾ Иринеи, III, IV, 3.

³⁾ Иринеи, III, IV, 3.

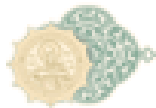
⁴⁾ По Валентину, Богъ есть *единство*, монада. „Αρχή τῶν πάντων Μονάς ἀγέννητος, ἀφωρτος... ἡ τριεπίσημος Μονάς πατήρ“ (Hippolytus-Refut VI, 29: p. 270). Въ позднѣйшей системѣ Василида Богъ выступаетъ, какъ *οὐκ ὢν ἀπὸς*, или *τὸ ὄντες ἐκ τῆς* Πνεύματος, ὅτε ἐκ οὐδενος, ἀλλ' ὁ ὄντων ἦν τὸ πᾶν ὄντων — (Refutatio. VII, 20, p. 386). Гѣмъ не менѣ метафизическій *дуализмъ* имѣетъ мѣсто и въ этихъ монистическихъ системахъ.

пасть въ процессъ развитія. Онъ изводитъ изъ своего вѣдра отдѣльныя эоны, какъ атрибуты и силы своего существа, идеи вѣчнаго духовнаго мира, напр. *νοῦς, λόγος, εὐνοια, ἀλήθεια, ζωή*... Онѣ истекаютъ изъ абсолютнаго въ извѣстномъ порядкѣ. Въ наиболее развитой системѣ Валентина отъ абсолютнаго исходитъ 30 сизигій, или мужеженскихъ паръ. Чѣмъ дальше онѣ отстоятъ отъ абсолютнаго, тѣмъ онѣ слабѣе. Причина происхожденія эоновъ изъ абсолютнаго указывается то въ божественной самораскрывающейся любви, то въ метафизической необходимости. Всѣ вмѣстѣ эоны образуютъ духовный міръ, міръ идей, міръ силы, или духовную полноту (*πλήρωμα*).

Отъ пиромы существенно отличается матеріальный, видимый міръ, въ которомъ господствуетъ злое начало. Этотъ міръ не отъ Бога, или Богъ былъ бы первовиновникомъ зла, а отъ противоположнаго Богу принципа. Это есть *матерія*—*ὕλη*, которая противостоитъ Богу и міру идей въ вѣчной противоположности. Сирійскіе гностики понимали материю, согласно съ пареизмомъ, какъ злую субстанцію саму по себѣ, какъ царство сатаны, которое находится въ непримиримой враждѣ съ царствомъ свѣта. Александрійскіе гностики слѣдовали болѣе Платону въ пониманіи материи и представляли ее себѣ какъ пустоту—*κενότης*, или *τὴν ὄν*, которая противостоитъ божеств. существу, какъ чѣмъ свѣту. Она сама по себѣ безжизненна и оживаетъ лишь чрезъ соприкосновеніе съ пиромой. Это соприкосновеніе двухъ противоположныхъ міровъ исходитъ изъ высшаго міра. По обычному гностическому представленію, послѣдній членъ въ божественной цѣпи эоновъ—или вслѣдствие слабости удержать свою связь съ міромъ идей, или благодаря грѣховной любви къ матеріи,—ниспадаетъ, какъ искра свѣта въ темный хаосъ, сообщаетъ матеріи божественный зародышъ жизни, но, будучи поглощенъ матеріей, начинаетъ томиться и жаждетъ спасенія. Прочіе эоны сочувствуютъ ему въ

этомъ. Тогда вступаетъ въ исторію міра третье начало— *Диміургіа*. Онъ есть произведеніе упавшаго въ хаосъ эона изъ физической матеріи и ставится между Богомъ и матеріей. Онъ образуетъ изъ матеріи видимый чувственный міръ и господствуетъ надъ нимъ. Онъ царствуетъ въ мірѣ планетъ, господитъ надъ временемъ, и ему приписываются обычно всѣ астрологическія вліянія. Онъ есть богъ іудеевъ— Іегова, который воображаетъ себя высшимъ и единственнымъ богомъ.

Спасеніе, т. е. освобожденіе свѣтлаго эона изъ оковъ темной матеріи, совершается чрезъ *Христа*, совершеннаго эона, который при обратномъ теченіи чувственнаго міра явленій къ сверхъ-чувственному міру идей занимаетъ тоже самое посредствующее положеніе, какое Диміургъ при теченіи сверху в низу, изъ піяромы въ кеному. Этотъ спасающій эонъ спускается черезъ рядъ небесъ и принимаетъ эфирическое кажущееся тѣло. По другому представленію, онъ соединяется съ человѣкомъ Иисусомъ или съ іудейскимъ Мессіей при крещеніи и оставитъ его снова при его страданіи. Во всякомъ случаѣ Спаситель не долженъ приходить ни въ какое дѣйствительное соприкосновеніе съ грѣховной матеріей; иначе онъ не мыслимъ. Его человѣческое рожденіе, его страданіе и его смерть изъясняются гностиками, какъ призракъ, какъ призрачный фантомъ, къ чему приходится прибѣгать, чтобы явить себя чувственнымъ людямъ. Св. Духъ обыкновенно понимается какъ эонъ ниже стоящій. Главная задача Христа сообщить гносекъ тѣсному кружку посвященныхъ людей, чрезъ что они будутъ въ состояніи стремиться съ яснымъ сознаніемъ въ идеальный міръ свѣта. Такимъ образомъ всякій безпорядокъ въ мірѣ эоновъ устраняется, подвоярется гармонія и невыразимое блаженство, въ которомъ примутъ участіе всѣ пневматики, или истинные гностики. Матерія въ концѣ концовъ уничтожится вслѣдствіе огня, выпавшаго изъ нея.

Если только вкратцѣ изложенное ученіе гностиковъ можно назвать теологіей, то дальнѣйшее справедливо назвать антропологіей. Гностики смотрятъ на человѣка—какъ микрокосмъ, состоящій изъ духа, тѣла и души, въ которомъ отражаются три принципа—Богъ, матерія и Диміургъ, однако въ различной степени. Они дѣлятъ людей на три класса: *пневматиковъ*, въ которыхъ имѣетъ перевѣсъ божеств. элементъ, свѣтовая искра изъ идеальнаго міра—*солматиковъ*, или *иликовъ*, у которыхъ преобладаетъ матерія (блг), и *психиковъ*, въ которыхъ дѣйствуетъ посредствующій принципъ, диміургическій. Иногда гностики проводятъ параллель между указанными тремя классами людей и исповѣдниками трехъ религій—христіанской, языческой и іудейской. Сравнивая христіанъ съ пневматиками, гностики однако не удостоиваютъ ихъ всѣхъ участія въ царствѣ свѣта, а производятъ снова раздѣленіе и между ними. Только немногихъ среди христіанъ они считаютъ пневматиками въ собственномъ смыслѣ, на большинство же христіанъ они смотрятъ какъ на психиковъ, которые не могутъ возвыситься отъ слѣпой вѣры къ чистому вѣдѣнію, которые слабы въ добрѣ и злѣ, которые томятся по божественному, но не въ силахъ постигнуть его, и такимъ образомъ носятся въ срединѣ между плиромою идеальнаго міра и кеномою чувственнаго. *На этическихъ* воззрѣніяхъ гностиковъ лежитъ печать глубокаго пессимизма, который можно объяснять только какъ смѣшеніе персидскаго дуализма съ его живою повседневною борьбою между добромъ и зломъ—и греческаго воззрѣнія о превосходствѣ всего духовнаго идеальнаго надъ чувственнымъ и матеріальнымъ міромъ ¹⁾. Гностики смотрѣли на матерію—и значитъ на тѣло человѣческое, какъ источ-

¹⁾ См. *Bousset. Paulys — Wissowa - Real - encyclopädie* VII. 2. S. 1520.

никъ зла и воевали съ нимъ. Поставивши одинъ и тотъ же девизъ, они примѣняли противоположное оружіе для достиженія своей цѣли: одни—аскетизмъ, другіе—антиномизмъ. Исходную точку для обоихъ воззрѣній гностики могли находить въ представленіяхъ великой переднеазиатской матери—богини, такъ какъ она и *Παρθένος*, дѣва, дѣвственница, и *Πορνική*; гетера, распутная женщина. Такіе серьезные гностики, какъ Саторнилъ, Маркіонъ и Татьянъ, презирая чувственный міръ и чадовческое тѣло, запрещали наслажденіе извѣстными родами пищи и брачное сожителство, какъ смѣшеніе съ грѣховной матеріей. Другіе же, какъ офиты, николиты, карпокритяне и пр., трактовали въ гордомъ сознаніи о превосходствѣ духа надъ матеріей и проповѣдывали, что чувственность должна быть побѣждена чрезъ наслажденіе чувственными удовольствіями. Они впадали въ крайній либертинизмъ. „Нѣтъ ничего великаго въ томъ чтобы воздерживаться отъ страстей: есть нѣчто большее, когда живешь въ страсти и отъ нея не бываешь побѣжденъ“. По свидѣтельству Епифанія, въ Египтѣ были секты, которыя исходя изъ дикаго натуралистическаго пантеизма и отождествляя Христа съ производящими силами природы, культивировали страшную распущенность, какъ родъ богослуженія.—Что же касается *культы*, то теперь ему изслѣдователи приписываютъ гораздо болѣе значеніе въ гностическихъ системахъ, чѣмъ прежде. Культъ гностиковъ отличался сложными мистическими обрядами. О немъ будетъ рѣчь нѣсколько позже.—По отношенію *къ устройству или организаціи* общинъ, гностики или составляли тайные союзы въ церкви или образовывали свои собственныя общества. (Прпчней. III, IV, 3; III, XV, 2; I, XIII, 7).

Въ чѣмъ же заключалась сущность гностицизма?

У древнихъ ересеологовъ мы не находимъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Если смотрѣли на гностицизмъ

какъ дѣло діавольское¹⁾, а на представителей или носителей гностическаго ученія, какъ „первенцевъ сатаны“²⁾ „маговъ“ или „волшебниковъ“³⁾, то, само собою разумѣется, и не могло быть серьезной постановки вопроса. Изъ изслѣдователей новаго времени Массюэть и Моагеймъ не касаются его: первый просто выводитъ гностицизмъ изъ платонизма, второй привлекають сюда восточныя религіи⁴⁾. Собственно вопросъ о сущности гностицизма возникъ у изслѣдователей лишь въ XIX в.

До 70-хъ годовъ XIX в. сущность гностицизма видѣли въ *спекулятивномъ* воззрѣніи на христіанство и въ христіанствѣ. По *Неандеру*⁵⁾, гностицизмъ есть „одностороннее теоретическое направленіе“, какъ противовѣсъ „одностороннему практическому“. Въ немъ нашла исходъ „реакція аристократизма, прежде господствовавшего въ жизни, имѣвшаго значеніе и въ религіи и въ философіи,—аристократизма древняго міра противъ христіанскаго принципа, чрезъ который онъ былъ низверженъ,—(реакція) противъ признанія единой религіозной вѣры, чрезъ что устранялись всѣ раздѣленія между людьми, основывавшіяся на отношеніи къ высшей жизни“. Глава тюрингенской школы Ф. Хр. *Бауръ*⁶⁾ развилъ на гностицизмъ чрезвычайно оригинальный взглядъ, который увлекъ многихъ ученыхъ. Гносисъ, по нему, это ничто иное, какъ пониманіе христіанства, какъ *космическаго принципа*. Гносисъ это „замѣчательная попытка—понять природу и исторію, всеміровое теченіе со всѣмъ, что оно совмѣщаетъ въ себѣ, какъ рядъ моментовъ, въ которыхъ абсо-

¹⁾ *Иустинъ*. Апологія I, 26.

²⁾ *Ириней*. III, III, 4.

³⁾ *Иустинъ*—I, 26.

⁴⁾ См. у *Baur'a*. Die christliche Gnosis. S. 2—5.

⁵⁾ Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. Hamburg. 1843, B. II, Ss. 635, 632.

⁶⁾ *Baur*. Die christliche Gnosis. Ss. 24, 67, 74—75.

лютный духъ объективируется и самъ-собою посредствуется (*mit sich selbst vermittelt*),—тѣмъ замѣчательнѣе, что гносисъ въ этомъ смыслѣ во всей исторіи философіи и богословской спекуляціи не имѣетъ ничего болѣе родственнаго и аналогичнаго, чѣмъ новѣйшая философія религіи... Гдѣ единство и различіе религій идетъ къ сознанію, тамъ гносисъ долженъ брать свое происхождение ‘... Кратко выражаясь: „гносисъ возникъ изъ чисто теоретическаго интереса, изъ потребности спекулятивно оріентироваться надъ міромъ и его явленіями, понять факты христіанства и историческое положительное его вообще, какъ идею, какъ чистую истину разума“. *Гилленфельдъ*¹⁾ держится подобнаго же взгляда. По мнѣнію *Липсія*²⁾, сущность гностицизма состоитъ въ томъ, что оно видитъ въ христіанствѣ не простъ принципъ спасенія, а міровой принципъ.—Но вотъ въ половинѣ XIX в. были открыты или обнаружены открытые раньше важные источники для изученія гностицизма—сочиненіе S. Hippolyti *Refutationis omnium haeresium*, первоначально приписываемое Оригену³⁾ и коптскіе—гностическіе манускрипты—*Pistis Sophia*, двѣ книги Іоѳъ или книга о великомъ хатъ *μυστήριον ἰσχυρῶς*, неизвѣстное древне-гностическое произведеніе и нѣскольکو фрагментовъ. Св. Ипполитъ въ предисловіи къ своему только что упомянутому сочиненію говоритъ, что онъ имѣетъ въ виду обнаружить „неизреченныя таинства“ гностиковъ (*ἀποκρύπτειν τὰ ἄρρητα μυστήρια σωτῶν μυστήρια*), и сокровенныя, тайныя оргіи ихъ“ (*τὰ κρύφα αὐτῶν καὶ ἄρρητα ὄργια*)—и показать, что „ученія ихъ получили свое начало изъ эллинской муд-

¹⁾ *Hilgenfeld* (*Urchristentum*, s. 90...) объясняетъ, почему Иисусъ Христосъ сталъ космическимъ принципомъ (*zu einem Kosmischen Principe gemacht wird*), потому что спасеніе не ограничилось человѣчествомъ, но было универсальнымъ, коснулось всего мірового теченія.

²⁾ *Lipsius*. Allgemein. Encyklop. Ersch u. Gruber, I. Ss. 231—242.

³⁾ Въ изданіи *Miller'a* 1831 „*Origenis Philosophumena sive omnium haeresium refutatio*“.

рости, изъ положеній философскихъ системъ, изъ преданій и обрядовъ мистерій и изъ гаданій астрологовъ“ (*ἀστρολόγων ῥεβριμένων*). Свое обѣщаніе св. Ипполитъ въ своей книгѣ выполняетъ. Гностическія произведенія—*Pistis Sophia* и книги Іеѣ наполнены различными гностическими мистеріями и заклинаніями. Знакомство съ этими источниками вызвало почти радикальную перемѣну въ воззрѣніяхъ на гностицизмъ. Насколько намъ извѣстно, *Гаккеншмидтъ* ¹⁾ первый въ 70-хъ годахъ XIX в. выдвинулъ новую точку зрѣнія на гностицизмъ. По его мнѣнію, гностицизмъ „обязанъ своимъ возникновеніемъ ближайшимъ образомъ не стремленію къ знанію, но во всякомъ случаѣ уродливому религіозному интересу и выступаетъ поэтому не какъ школа, но какъ товарищество, какъ тайный союзъ... чрезъ языческую заразу возникло... стремленіе *отянуть новую вѣру въ форму мистерій*. Посредствомъ безграничной символикки христіанство претворяется въ систему, раздражающую фантазію“... Въ 80-хъ годахъ мысли Гаккеншмидта развивалъ *Вайнгартенъ* ²⁾. „Нѣтъ ничего ошибочнѣе, утверждаетъ онъ, чѣмъ видѣть въ гностицизмъ первую попытку христіанской или религіозной философіи, вообще ставить подъ точку зрѣнія теоретическаго явленія. Ибо, какъ общее явленіе, гносисъ былъ развитіемъ не философско-спекулятивнымъ, но церковно-религіознымъ“. *Кoffманъ* ³⁾ также подчеркиваетъ мистическій характеръ гносиса и вмѣстѣ съ тѣмъ его практическое поправленіе. *Г. Анрихъ* указалъ на сильное вліяніе античныхъ мистерій на гностицизмъ ⁴⁾. *Вобберминъ* ⁵⁾, который

¹⁾ *Hackenschmidt K.* Die Anfänge des cathol. Kirchenbegriffs. Strassburg. 1874. S. 84.

²⁾ *H. Weingarten.* Historische Zeitschrift. 1881. B. 45. S. 460.

³⁾ *Koffmane.* Die Gnosis nach ihrer Tendenz und Organisation. 1881.

⁴⁾ *G. Anrich.* Das antike Mysterienwesen in seinem Einfluss auf Christentum. Göttingen. 1894. S. 74.

⁵⁾ *G. Wobbermin.* Religionsgeschichtliche Studien. Berlin. 1896. S. 71—72.

находить возможнымъ „обозначить гностицизмъ, прямо какъ христіанскій орфизмъ“, видить характернѣйшую его особенность въ томъ, что онъ представляетъ „рѣдкое химическое соединеніе теогонически-космогоническихъ фантазій съ мыслями объ избавленіи и спасеніи“. Вообще взглядъ на гностицизмъ, какъ явленіе преимущественно религіозно-мистическое, можно считать въ настоящее время установившимся¹⁾. Даже А. Гарнакъ²⁾, который продолжаетъ видѣть въ гностицизмѣ явленіе теоретич. характера— „острую эллинизацию христіанства“,—все-таки вынужденъ согласиться, что „міровая загадка, какую гносисъ хочетъ разрѣшить, не есть собственно интеллектуальная, но практическая и въ концѣ концовъ онъ есть „γῶσις σωτηρίας“.

Дѣйствительно, взглядъ на гносисъ, какъ теоретическое, философское явленіе, видѣній въ христіанствѣ космическій принципъ, долженъ быть навсегда оставленъ. Онъ не имѣетъ для себя основаній въ источникахъ. У Ипполита³⁾ встрѣчаемъ такіа замѣчательныя слова: „ὁρμή τελειώσεως γῶσις ἀνθρώπου, Θεοῦ δὲ γῶσις ἀπρησιτάτην τελείωσις. Начало совершенства—познаніе чело́вѣка; познаніе же Бога есть безусловное совершенство.—Что же это за знаніе о чело́вѣкѣ? Въ „Excerta ex Theodoto“⁴⁾ мы читаемъ: „кто мы и кѣмъ стали, откуда приходимъ и куда мы попали, куда мы идемъ и откуда ожидаемъ спасенія“? Очевидно, это знаніе о чело́вѣкѣ или людей о самихъ себѣ не есть простое теоретическое вѣдѣніе, а знаніе, соединенное съ нрав-

¹⁾ Къ названному ученымъ можно еще присоединить—Usener. Religionsgeschichtliche Untersuchungen. 1883 Bonn. S 24. Kruger—y Hauck—B VI. Ss 733.

²⁾ Lehrbuch d Dogmengeschichte. S. 255.

³⁾ Refutatio V. 10.

⁴⁾ С. 75 „τινες ἴμεν, τι γέγονμεν, ποῦ ἴμεν, [ἡ] ποῦ ἐνερλήμεν. ποῦ ἐπελόμεν, πῶς ἐσώμεθα“. Die griechische chr. Schriftsteller. Clemens Alexandrinus. B. III. p. 131.

ственно-практическою цѣлью: откуда ожидать спасенія. Значить, γνῶσις—это знаніе—сила, несущая человѣку спасеніе. Подтвержденіе сказанному мы находимъ у Св. Иринея ¹⁾: „совершенное искупленіе есть самое познаніе неизреченнаго величія... знаніемъ разрушается все, что составилось отъ невѣдѣнія, почему *знаніе и есть искупленіе внутренняго человека* (Ἦναι δὲ τελείαν ἀπολύτρωσιν, αὐτὴν τὴν ἐπίγνωσιν τοῦ ἀρρήτου μετέθεως .. διὰ γνῶσεως καταλύεσθαι πᾶσαν τὴν ἐκ τῆς ἀγνοίας οὐσίαν, ὥστε τὴν γνῶσιν ἀπολύτρωσιν τοῦ ἐνδον ἀνθρώπου—курсивъ мой).—Въ источникахъ гностицизма мы находимъ и указаніе на то, какъ гностики думали достигнуть такого чудеснаго знанія, гдѣ они искали его. Св. Ипполитъ называетъ гносіея „ὁ ἀπὸρρητος λόγος καὶ μυστήριον“ ²⁾. Въ началѣ книги Іері (κατὰ μυστήριον λόγος) мы читаемъ ³⁾: „это есть книга о познаніяхъ (γνῶσις) невидимаго бога посредствомъ скрытыхъ тайнъ (μυστήρια), которыя показываютъ путь избранному роду... въ будущее (царство) Спасителя"... Здѣсь гносіея уже близко соприкасается съ существомъ мистерій. И именно мистеріемъ приписывается очистительная отъ грѣловъ сила. Въ Pistis Sophia сказано ⁴⁾: „Продолжала Марія и сказала Спасителю; „Мой Господь, вотъ, мы узнали открыто, точно и ясно, что ты принесъ ключи тайнъ (μυστήρια) царства свѣта, которыя прощаютъ душамъ грѣхи и очищаютъ ихъ и дѣлаютъ ихъ чистымъ свѣтомъ и вводятъ въ свѣтъ“ Мистическое въ древности было близко къ волшебству и чародѣйству. Оригенъ ⁵⁾, основательный знатокъ гностициз-

¹⁾ Irenaeus. Contra haer. Migne VII, c. 665; рус. пер. 83.

²⁾ Refutatio. V, 7. p. 142.

³⁾ Koptisch—gnostisch Schriften. B. I. C. Schmidt. S. 237.

⁴⁾ Koptisch—gnostisch Schriften. B. I. S. 231.

⁵⁾ Origenes Κατὰ Κέλσου VI, 32 указываетъ на то, что кое-что офаннами заимствовано изъ магіи (μᾶγικα), а иное изъ еврейскихъ „τῶν θείων γραφῶν“. Въ подтвержденіе перваго положенія онъ приводитъ: „ἀπορὲν μαγικῆς τοῦ Ἰαλδαβαῖος καὶ τοῦ Ἀσταφίου καὶ τοῦ Ὀρλίου“.

ма, какъ магіи, утверждаетъ, что офіане заимствовали имена своихъ архонтовъ—Jaldabaoth, Astaphäus и Horäus изъ магіи. Вотъ почему В. Шульцъ ¹⁾ не только сближаетъ, но почти отождествляетъ гностицизмъ съ волшебствомъ или магіей, и маговъ называютъ гностиками.—Въ ученіи о человѣкѣ гностики, прежде всего, обращали вниманіе на его бѣдственное положеніе въ мірѣ, въ этомъ „лабиринтѣ зла“ ²⁾. Поэтому первымъ вопросомъ въ ученіи о человѣкѣ былъ вопросъ—откуда зло? Unde mala? ³⁾ Какъ человѣкъ подпалъ узамъ матеріи? и какъ онъ снова можетъ быть освобожденъ отъ нихъ, т. е. отъ зла? ⁴⁾ Поэтому намъ кажется не только остроумнымъ, но и весьма основательнымъ взглядъ *Анца* ⁵⁾, который видитъ зерно гностицизма въ ученіи объ освобожденіи души отъ εἰσαρρέντη, т. е. власти архонтовъ, какую они захватили подъ этимъ міромъ. „Люди стоятъ подъ архонтами σαῖρα и εἰσαρρέντη, нечистое господство которой (εἰσαρ.) не только опредѣляетъ ихъ вѣшнюю судьбу, но также вынуждаетъ ихъ ко грѣху, чтобы они тѣмъ ужаснѣе были наказаны за то“. Види такое бѣдственное положеніе души, гностицизмъ ищетъ пути и средства освободить душу отъ εἰσαρρέντη. Въ древнѣйшемъ гимнѣ наассеновъ ⁶⁾ человѣкъ, окруженный „лабиринтомъ зла“

„ищетъ избѣжать мучительнаго хаоса,
„и не знаетъ, какъ бы онъ прошелъ (черезъ него).
„Ради этого пошли меня, отецъ (говорить Христосъ)
„Имѣя печати, я сойду,

1) W. Schultz. Dokumente der Gnosis. LXXVIII—X.

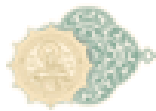
2) Hippolytus. Refutatio. V, 10, p. 174. „ἡ μέλας καὶ ἡ λαβύρινθος“.

3) Tertullianus. De praescriptionibus. VII. Unde malum, et quare? unde homo, et quomodo?

4) Cp. Iacobi. Hergog R. En, V, 207; Mansel. The Gnosticher. p. 11. Schultz. IX.

5) W. Anz. Zur Frage nach dem Ursprung des Gnosticismus. 1897. S. 13. 31.

6) Hippolytus. Refutatio. V, 10 p. 176.

„Пройду цѣлыя вѣка,

„открою все тайны (μυστήρια)

„покажу образы боговъ.

„И сокровенное св. пути (καὶ τὰ κρυπόμενα τῆς ἁγίας ὁδοῦ),

„призвавъ познание (γνῶσιν καλέσας), передамъ“.

Слѣдовательно ближайшая практическая цѣль гностицизма — избавить челоуѣка отъ бѣдствій этого міра, указать ему для этого *ἀγίαν ὁδόν* и открыть все сокровенности этого пути (τὰ κρυπόμενα τῆς ἁγίας ὁδοῦ). Изъ сочиненія Оригена противъ Цельса мы знаемъ, что трудность этого пути для восхожденія (*ἀνόδος*) челоуѣка или точнѣе, его души въ царство свѣта зависить отъ власти (*εἰσφαρμένῃ*) архонтовъ въ этомъ мірѣ. Они изображаются сидящими при пратахъ и преграждающими путь. И у Оригена мы читаемъ, съ какими особыми, для насъ непонятными словами нужно обращаться къ каждому архонту, чтобы получить свободный проходъ ¹⁾. Св. Епифаній ²⁾ ясно и отчетливо говорить, что у гностиковъ, офитовъ-барбеліотовъ было ученіе о спасеніи души путемъ прохожденія чрезъ область архонтовъ и возвышенія „въ высшую область, гдѣ матеръ живущихъ Варвило или Вар-

¹⁾ *Origenes*. Κατὰ Κέλσου. VI, 31. Обращеніе, напр., ко всей огдоадѣ, владѣющей *προφύρον κακίας* (преградою зла) таково: „единообразнаго царя, темницу слѣпоты, непредвидѣнное забвеніе, первую власть сохраненную духомъ провидѣнія и премудростію—я привѣтствую; отсюда я чистый посланъ, часть свѣта отца и сына. Багодать пусть будетъ со мною, отецъ“. Обращеніе къ *Ialdabaoth* у болѣе понятно: „Тебѣ, первый и седьмой, рожденный для царствованія съ высшихъ довѣріемъ, главное основаніе чистаго разума, дѣло совершенное для Сына и Отца, привошу какъ символъ жизни—этотъ вырѣзанный знакъ, и отпирая міру закрытыя ворота, надъ которыми ты царствуешь, я свободно прохожу твоею областью. Итакъ, отецъ, пусть будетъ благодать со мною, пусть будетъ со мною“.

²⁾ *S. Epiphanius*. Haer. XXVI, 10 (ed. *Oehler*. II, 1, p. 184) „Εἰ δέ τις, φασίν, ἐν τῇ γνῶσει γένηται ταύτῃ καὶ συλλέξει εαυτὸν ἐκ τοῦ κόσμου... καὶ κατὰ ἐντάληλα κατέχεσθαι αὐτόν, ἀλλὰ ὑπερβαίνειν τοὺς προειρημένους Ἀρχοντας, ἐρχεσθαι δέ, φασί, πρὸς τὸν Σαβωῶθ... καὶ οὕτως ὑπερβαίνειν εἰς τὸ ἄνω μέρος ὅπου ἡ μετέστροφος τῶν ζῶντων ἢ Βερεβρωῶ, ἢτοι Βαββρωῶ, καὶ οὕτως τὴν ψυχὴν σώζειν“.

вию; и такимъ образомъ душа спасается.—Намъ кажется вполне доказаннымъ, что исходнымъ пунктомъ и зерномъ системы гностиковъ является ученіе о спасеніи души ¹⁾. Сюда ближайшимъ образомъ примыкаетъ сложный культъ съ его „μυστήρια“ и „τὰ χερουδιανά τῆς ἀγίας ὁδοῦ“. Большинство мистерій относится къ крещенію и причащенію ²⁾.

Къ ученію о спасеніи души и связанному съ нимъ сложному мистическому культу, что является краеугольнымъ камнемъ гностическихъ системъ,—присоединяется теогонія и космогонія, ученіе о происхожденіи боговъ и міра, его развитіи и завершеніи ³⁾. Но эти пункты въ гностическихъ системахъ являются лишь т. ск. необходимымъ *фономъ*, на которомъ развивается ихъ основное ученіе ⁴⁾. Прекрасно говоритъ *Вайнгартенъ* ⁵⁾: „Спекуляціи вполне образовавшихся системъ о возникновеніи и завершеніи міра, объ эонахъ и пипромъ не были (у гностиковъ) ни разнообразны, ни оригинальны, но только отзвукъ и модификація античныхъ греческихъ воззрѣній, или гилософически-стоической натуръ-философіи или платонизирующаго идеализма“. Въ этомъ отношеніи гносисъ дѣйствительно представлялъ какую то чудовищно пеструю одежду, которую легко разрываютъ по клочкамъ, думая такимъ обра-

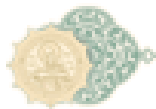
¹⁾ Прямую противоположность насильственному подчиненію души εἰσαρπάγη составляетъ *мистицизмъ* (Reitzenstein. Poimandres. S. 79), и онъ какъ разъ былъ распространенъ въ древнемъ мірѣ въ разсматриваемое время (Ср. Gruppe, B. II. Ss. 1622—1627). Вѣроятно, не противорѣча Аппу, а восполняя его Группе производить гностицизмъ изъ мистицизма.

²⁾ *Ириней*. I, XXI, 3. 4—5. *Pistis Sophia*. C. 122. 143 (C. Schmidt. S. 202, 245); кн. *Іей*. C. 43, 45 (Schmidt. S. 304, 308). и др.

³⁾ Ср. *Lipsius*. Allgem. Encykl. Er. Gr. I, 286—287.

⁴⁾ Ср. *Liechtenhan*. Hauck. R. XIV. S. 404—405.

⁵⁾ *H Weingarten*. Historische Zeitschrift. 1881. B. 45. S. 360—61.

вомъ понять сущность гностицизма ¹⁾. Св. *Епифаній* ²⁾ дѣлаетъ остроумное замѣчаніе по поводу странно или даже дико звучащихъ различныхъ наименованій гностиковъ, вродѣ Кавлавакхъ, Абраксаъ, Талдабаотъ и др., что они усиливались „дѣйствовать на воображеніе неопытныхъ ужасными именованиями и варварскимъ составленіемъ сихъ именований“. Это вѣрное соображеніе нужно расширить на всю внѣшнюю сторону или выраженіе гностицизма. Вся постройка наряда гностицизма, странность и таинственность его культа, его различныя заклинанія—разсчитаны были на психику невѣжественной толпы, и несомнѣнно достигали своей цѣли.—Доказательствомъ религіозной сути гностицизма служить еще тотъ фактъ, что всю свою мудрость гностики основывали не на авторитетѣ разума, или силѣ человѣческаго мышленія, а на *божественномъ откровеніи*. У нихъ было много свяд. книгъ, и (самозваные) пророки пользовались большимъ почетомъ. (Подробнѣе объ этомъ рѣчь будетъ у насъ нѣсколько позже). Есть цѣлое изслѣдованіе *Лихтмана* ³⁾, посвященное вопросу объ отношеніи гностиковъ къ откровенію. „Гносисъ, говоритъ авторъ, исходитъ изъ религіи и пользуется ея откровеніемъ, чтобы разрѣшить загадку міра“ ⁴⁾. Для большихъ массъ главная притягательная сила гносиса лежала именно въ религіозной сторонѣ его. По свидѣтельству *Ариха* ⁵⁾, въ особенности

¹⁾ Въ особенности въ этомъ отношеніи прославился *Matter*, *Histoire critique du Gnosticisme*. I—III. Strassbourg—Paris. 1843—44. Онъ находитъ въ гностицизмѣ элементы—чисто греческіе, греко-иудейскіе, иудейско-египетскіе, халдейскіе и персидскіе, индійскіе, буддійскіе и китайскіе (см. I-й т.). А изъ сравнительно новыхъ можно указать на *C. W. King*, *The Gnostics and Their Remains*. London. 1877. Источники гностицизма онъ ищетъ—и въ Зендавестѣ, и въ каббалѣ, и буддизмѣ, и въ служеніи Митръ и Серапсеу.

²⁾ Ересъ XXV, I; рус. пер. ч. I, стр. 145—146.

³⁾ *R. Liechtenhan*, *Die Offenbarungim Gnosticismus*. Gottingen. 1791

⁴⁾ *R. Liechtenhan*, S. 2.

⁵⁾ *G. Arich*, *Das antike Mysterienwesen*. S. 80.

различныя „посвященія“ [Weihen] привлекали послѣдователей гностицизму, (а не философская мудрость). Дѣйстви-тельно, странно даже и представить себѣ, чтобы для первоначальной религіозной христіанской общины, духовному уровню которой вполне отвѣчали такія писанія, какъ 1-ое посл. Климента Рим. къ Корин., или посланіе Варнавы, писаніе Ерма и т. п.,—могла возникнуть серьезная опасность отъ философскихъ школъ и союзовъ, какъ себѣ прежде представляли гностицизмъ.

Итакъ, мы считаемъ доказаннымъ, что гностицизмъ и по происхожденію своему и по своей сущности—есть явленіе религіозное. Правда, при распространеніи, гносісу приходилось привлекать къ себѣ и восточную теософію и кутаться въ эллинскую философію, но все-таки это не мѣняло сути дѣла. Да, о гностицизмѣ можно сказать: „Руки Исава, голосъ Іакова“; но только вопреки Гарнаку, этотъ „голосъ“—душа гностицизма—была религіозная, родившаяся на востокѣ, а одежда была самая причудливая, большею частью изъ эллинской философіи. Во что бы ни кутался гностицизмъ, религіоз. душа его вездѣ просвѣчивала.

Послѣ того какъ мы сдѣлали носильную попытку къ выясненію происхожденія гносіса и опредѣленію сущности его, естественно перейти къ вопросу о томъ, какое значеніе имѣлъ гносісъ въ развитіи христіанской церкви. Не подлежитъ сомнѣнію, что значеніе въ этомъ случаѣ гностицизмъ имѣлъ чрезвычайно большое, но не положительное, существенное, а отрицательное, формальное. Не могли оказать положительнаго вліянія тѣ, изъ которыхъ „большинство не имѣютъ церкви; безъ матери, безъ апостольства, безъ вселенской вѣры, безъ очага бродятъ, какъ изгнанники“¹⁾.

Гностицизмъ, какъ мы пытались установить, есть религія и очень сложный культъ съ различными обрядами, мисте

¹⁾ Тертуліанъ. Объ отводѣ дѣла противъ еретиковъ. Гл. XLII.

рѣшми и посвященіями. Но всякая религіозная система основываетъ свое ученіе и свой культъ на откровеніи. Такъ было, какъ мы выше указали, и съ христіанскимъ гностицизмомъ—онъ старался обосноваться на откровеніи. Со стороны формальной христіанскій гностицизмъ не отличался отъ тогдашней христіанской общины. Онъ также ссылался на преданіе, будто бы полученное отъ Христа, которое онъ тоже заключалъ въ священныя книги и старательно научно изслѣдовалъ. Василидъ возводилъ свое ученіе къ Главку толкователю ап. Петра, Валентинъ—къ Евдѣ, спутнику ап. Павла, Маркіонъ, вмѣстѣ съ Василидомъ и Валентиномъ ссылались на Матсея ¹⁾. Офиты утверждали, что ихъ ученіе заимствовано у Маріи, которой передалъ его Іаковъ, братъ Господень ²⁾. Относительно карпократіанъ св. Иринея ³⁾ пишетъ, что они все „нечестивое, несправедное запрещенное“ обосновывали на тайномъ ученіи, полученномъ имъ будто-бы отъ Христа и записанномъ въ ихъ книгахъ. Тоже самое замѣчаетъ Тертуліанъ ⁴⁾ и о многихъ другихъ гностическихъ сектахъ. По свидѣтельству св. Епифанія ⁵⁾, гностики „пользуются ветхимъ и новымъ заветомъ“. Св. Иринея ⁶⁾ и Епифаній указываютъ, какъ они извращали отдѣльными мѣста писаній. Маркіонъ собралъ канонъ свящ. книгъ, въ который между прочимъ вошло 10 посланій ап. Павла. Кромѣ того гностики имѣли въ чрезвычайно большомъ количествѣ апокрифическія сочиненія, надписанныя именами апостоловъ или ветхозавѣтныхъ великихъ людей. „Книгъ у нихъ много, замѣчаетъ ⁷⁾ Св. Епифаній. Въ нихъ излагаются

¹⁾ Климентъ Ал. Строматы. VII, 17; рус. пер. стл. 899—900.

²⁾ Hippolytus. Refutatio I, 7, p. 134—135. 79.

³⁾ Св. Иринея. I, XXV, 5. Ср. Тертуліанъ. Объ отводѣ дѣла. Гл. XXV—XXVII.

⁴⁾ Тертуліанъ. Объ отводѣ дѣла—гл. XXV—XXVII.

⁵⁾ Епифаній. Речь. XXVI, 6.

⁶⁾ Иринея. I, XX, 2—3; Ср. Епифаній. XXVI, 6.

⁷⁾ Епифаній. XXVI, 8.

какіе то Маріини вопросы (Ἐρωτήσεις Μαρίας—παράσι καὶ μικραὶ); иные же объ упомянутомъ прежде Галдаваооѣ, подѣ именемъ Сиеа, издають много книгъ; иные книги называютъ откровениями Адаму (Ἀποκάλυψις τοῦ Ἀδάμ) и другія евангелія (εὐαγγέλια ἕτερα εἰς ὄνομα τῶν μαθητῶν) осмѣлились написать надѣ именемъ учениковъ“. У гностиковъ были входу: евангеліе Евы (Епиф. XXVI, 2) и какое-то „подложное увлекательное сочиненіе—благовѣстіе совершенствованія“ (Εὐαγγέλιον Τελειώσεως—Епиф. XXVI, 2), апокалипсисъ Авраама и апокриеъ Моисея (Епифаній XXXIX, 5), апокриеъ „Восхождение Исаи и Симфонія (Епиф. XL, 2), Родословіе Маріи (Γέννα Μαρίας),—содержащее фабулу о Захаріа въ храмѣ (Епиф. XXVI, 12). Въ Pistis Sophia находитесь пять гностическихъ одъ Соломона и играютъ большее значеніе Маріи и Соломія. Все содержаніе Pistis Sophia составляютъ бесѣды I. Хр., которыя онъ будто-бы вѣлъ со своими учениками и мироносицами по воскресеніи. Затѣмъ упомянутые выше еще неизданные манускрипты—евангеліе Маріи или апокриеъ Іоанна, премудрость I. Христа и Дѣянія Петра—также думаютъ опираться будто бы на ученіе I. Христа и близкихъ къ нему лицъ. У гностиковъ были въ большемъ почетѣ (мнимые ихъ) пророки, какъ напр. упоминаемые у архонтиковъ—Мартіадъ и Марсіанъ (Епиф. XL, 7).

Кромѣ измышленія мнимо-откровенныхъ источниковъ для своего ученія, гностики занимались *научною* разработкою его; они видвигали, обсуждали и рѣшали различные богословскіе вопросы. Извѣстно, что Василидъ написалъ 24 книги толкованій на евангеліе (Ἐξηγήτικα), а сынъ его Исидоръ нѣсколько сочиненій о нравственности (Ἠθικά). Тераклеонъ написалъ комментарий на евангеліе Іоанна. Но въ особенности гностики подробно разобрали ветхій заветъ большею частью, конечно, во враждебномъ для него духѣ, какъ напр. въ антитезахъ Маркіона. Сохранилось посланіе Валентиніана Ипполита къ Флорѣ о значеніи Моисеева закона.

Къ глубокому сожалѣнію, для искреннихъ убѣжденныхъ, но простыхъ и большею частью мало образованныхъ представителей христіанской церкви того времени, сочиненія гностиковъ—конечно, не все и не всехъ—казались весьма содержательными и глубокомысленными. Оригенъ признавалъ Тераклеона выдающимся экзегетомъ и въ своемъ комментаріи на ев. Іоанна старательно отмѣчаетъ, гдѣ онъ расходится съ нимъ. Климентъ Александр. приводитъ извлеченія изъ сочиненія „о справедливости“ Епифанія, того феноменальнаго, но несчастнаго почти мальчика, который умеръ 17 лѣтъ. При всей превратности основной идеи, лежащей въ основѣ книги (о коммунизмѣ), сочиненіе свидѣтельствуетъ о выдающемся умѣ и уже пріобрѣтенномъ образованіи своего юнаго автора (Строматы к. III, гл. 2). Блаж. Іеронимъ въ своемъ комментаріи на пр. Осію (см. II, 10), признавая экзегетическіи способности гностиковъ, замѣчаетъ о нихъ: „никто не можеть построить ересь, какъ богато-одаренный—таковъ Валентинъ, таковъ Маркіонъ, которыхъ мы считаемъ ученѣйшими, таковъ Вардесанъ, дарованію котораго удивляются даже философы“.

Вотъ какой сильный противникъ выступилъ противъ еще несоорганизованной церкви II в. Гностицизмъ былъ не просто ересью, а прямо антихристіанствомъ. „Онъ не отрицалъ ни одной догмы, а въ общемъ все“¹⁾. Гностицизмъ самъ, камъ мы видѣли, производилъ свое ученіе отъ Христа. Значить, онъ отвергалъ ученію, на которое ссылались истинные учителя церкви, какъ евангельское и апостольское, (отвергалъ) какъ не подлинное, или не полное, или невѣрно понятое, и выставлялъ свое, будто-бы полученное изъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ, толковалъ его и обосновывалъ. Словомъ, на мѣсто истиннаго христіанства, какъ, по мнѣнію гно-

¹⁾ F. Buonaruti, Lo Gnosticismo. Roma. 1907. 63.

стицизма, извращеннаго, онъ ставилъ свое христіанство; онъ устранялъ церковь Христа, какъ не Христа, и на ея мѣсто ставилъ свою церковь, какъ Христа, а на самомъ дѣлѣ антихриста.

Немногочисленные ближайшіе памятники послѣапостольскаго вѣка—писанія мужей апостольскихъ—рисуютъ предъ нами здоровое гармоническое развитіе христіанства въ началѣ II в. Въ христіанахъ жили, какъ говоритъ ап. Варнава (XVI, 9), Господни „словеса вѣры (и) заповѣди ученія“ (λόγια τῆς πίστεως καὶ ἐντολαὶ διδασκῆς). Повелѣнія и заповѣди (Господни) были написаны, по выраженію Св. Климента Рим. (1 пос. 2 гл.), на скрижаляхъ сердца. Апостольское—Διδασκῆ наполнено нравственно практическими разсужденіями о „двухъ путяхъ“, изъ которыхъ одинъ ведетъ къ жизни, другой къ смерти. Центр тяжести такимъ образомъ полагался въ доброй нравственной жизни, но не забывалось и ученіе, на которомъ основывалась эта жизнь. Вѣрующіе хранили христіанское „ученіе отъ другихъ или „злыхъ ученій“, блюли свою „вѣру“, или „вѣру Христову“ (Св. *Игнатій*. Ефес. IX, 1). Содержаніемъ этой вѣры или ученія было „евангеліе“ Христа, которое возвѣстили апостолы (посл. Варнавы гл. V. Св. *Игнатій*—V. VII. IX). Климентъ Рим. (1 пос. гл. 7) увѣщаетъ христіанъ обратиться „къ славному и досточтимому *правилу* святаго *преданія*“ (τῆς παροδούσεως κανόνα). Св. Поликарпъ (п. VII) напоминаетъ „о *преданномъ изначала* словѣ“ (ἐξ ἀρχῆς παραδοθέντα λόγον), онъ же говоритъ о *преданной вѣрѣ* (τὴν δοδισκασμένην—г. III, IV).—Отъ вѣры въ евангеліе I. Христа, какъ преданія апостольскаго, у мужей апостольскихъ отличается *исповѣданіе вѣры*. Св. Игнатій въ посланіи къ Трапійцамъ (гл. IX) говоритъ: „не слушайте, когда кто будетъ говорить вамъ не объ I. Христѣ, который произошелъ изъ рода Давидова отъ Маріи, истинно родился, бѣлъ и пилъ, истинно былъ осужденъ при Понтіѣ Пилатѣ, истинно былъ распятъ и умеръ, въ виду небесныхъ земныхъ и преисподнихъ, ко-

торый истинно воскресъ изъ мертвыхъ“. (ср. къ Смирнянамъ гл. I). Св. Поликарпъ въ своемъ посланіи пишетъ (гл. II): „вѣруйте въ Того, который воскресилъ изъ мертвыхъ Господа нашего І. Христа и даровалъ Ему славу и престолъ одесную себя, которому все покорено небесное и земное, которому все дышущее служить, который придетъ судьей живыхъ и мертвыхъ“.—Въ посланіяхъ мужей апостольскихъ мы видимъ указаніе на *преемственность* іерархическихъ лицъ, прежде всего, власти епископа. „Апостолы были посланы проповѣдывать намъ евангеліе отъ Господа Іисуса Христа, Іисусъ Христосъ отъ Бога. Христосъ былъ посланъ отъ Бога, а апостолы отъ Христа, то и другое было въ порядкѣ, по волѣ Божіей. Проповѣдуя по различнымъ странамъ и городамъ, они первенцевъ изъ вѣрующихъ, по духовномъ испытаніи поставляли въ епископы и діаконы для будущихъ вѣрующихъ“. (I посл. гл. XLII). Возмущавшихся коринтянъ Св. Климентъ увѣщаетъ покоряться „предстоятелямъ“, ибо только подъ этимъ условіемъ они пробудутъ „въ стадѣ Христа“. (гл. LVII). У Св. Игнатія проводится мысль объ епископахъ, какъ носителяхъ и хранителяхъ чистаго ученія. „И чѣмъ болѣе кто видитъ епископа молчащимъ, тѣмъ болѣе долженъ бояться его. Ибо всякаго, кого посылаетъ домовладыка для управленія своимъ домомъ, намъ должно принимать его такъ-же, какъ самого посланнаго. Поэтому ясно, что и на епископа должно смотрѣть, какъ на самого Господа... Всѣ вы живете сообразно съ истиной, среди васъ нѣтъ никакой ереси, и вы не слушаете никого, кромѣ І. Христа, проповѣдующаго истину“ (гл. VI). „Іисусъ Христосъ, общая наша жизнь, есть мысль Отца, какъ епископы, поставленные по концамъ земли, находятъ въ мысли І. Христа“. (гл. III).—Кромѣ того, мужамъ апостольскимъ присуще сознаніе о *вселенскомъ* характерѣ церкви Христовой. Церковь представляется распространенною „до концовъ земли“ и собирается „отъ четырехъ вѣтровъ“

(учение 12-ти апост. IX, X). Гдѣ Христосъ, говоритъ Игнатій, тамъ и церковь католическая (*katholikḗ ἐκκλησία*. Смир. VIII).

Что же касается дальнѣйшей стадіи въ жизни церкви — времени апологетовъ, то они преслѣдовали, примѣнительно къ нуждамъ своего времени, специальную задачу, защитить христіанскую вѣру отъ многихъ нападокъ, пронеходившихъ по незнанію ея, и показать „разумность“ и „философію“ (*φιλοσοφία*)¹⁾ своей вѣры и нелѣпость языческихъ вѣрованій. Внутренней организаціи церкви и основъ вѣры они не касаются. Только у св. Іустина мы находимъ формулу исповѣданія вѣры (1-ая апол. XIII, LXI).

Уже изъ этихъ краткихъ замѣчаній мы видимъ, какъ сильно извращаютъ ходъ дѣла представители тюбинг. школы (напр. Бауръ, Швеплеръ), когда самое бытіе католич. церкви выводятъ изъ борьбы съ гностицизмомъ. Вопреки имъ, всѣ основы католической церкви въ принципѣ даны еще въ ученіи апостоловъ, особенно ап. Павла²⁾. Постепенное же развитіе принциповъ и воплощеніе ихъ въ жизни требовало времени и обуславливалось особыми нуждами церкви. Даже Гарнакъ³⁾, ученый отнюдь не чужой (чрезъ Ричля) тюбингенской школѣ, сознается, что „опредѣленные предпо-

¹⁾ Св. Іустинъ. Разговоръ съ Тр. 8; *Татианъ*, 31, 42; Мелитонъ и Мильтиадъ — у Евсевія V, 17, 26.

²⁾ „Христіанство, говоритъ Р. Ротъ (*R. Roth*. Die Anfänge der christlichen Kirche und ihrer Verfassung. B. I. Ss. 297—8, стр. 288—30), чрезъ ап. Павла выработало, какъ особо христіанское, такъ и само по себѣ опредѣленное и ясное *представленіе* о церкви. Съ этимъ *представленіемъ* однако еще не было дано непосредственно *существованіе* церкви“ во съ внутреннею необходимостью дано было *сознательное стремленіе* къ осуществленію того *представленія*“. Протестанскій историкъ Гаккеншмидтъ (*K. Hackenschmidt* Die Anfänge des cathol. Kirchenbegriffs Strassburg) понимаетъ дѣло организаціи церкви, разумеется, иначе; но что важно для насъ, выводъ возникновеніе церкви изъ „*стремленія къ чисто практическому благочестію*“, онъ относитъ начало ея организаціи ко времени *ранне гностицизма* Ss. 81—83, стр. 63).

³⁾ *A. Harnack*. Lehrbuch der Dogmengeschichte B. I. 4 Aufl. S. 239.

сылки для развитія каеолицизма были даже уже предъ серединою II в. и предъ жаркою борьбою съ гностицизмомъ.. Можно поэтому говорить, что борьба съ гностицизмомъ ускорила развитіе, но не дала новаго направленія“.

Разумѣется, сказаннымъ отнюдь не умаляется значеніе великихъ поборниковъ каеолической церкви II в. (и начала III) свв. Иринея и Ипполита, Тертулліана, Климента Алекс. и Оригена въ борьбѣ съ гностицизмомъ. До появленія названныхъ отцовъ и писателей организація жизни церкви на ходилась еще въ зачаточномъ состояніи и притомъ, она была сильно расшатана гностиками. Гностики, съ ихъ точки зрѣнія, весьма основательно разработали вопросы и о преданномъ отъ Христа ученіи, и храненіи его чрезъ извѣстныхъ лицъ, и о канонѣ этого ученія (ср. „тайное ученіе“). Гностики первые взяли за научное рѣшеніе церковно-богословскихъ вопросовъ. Напр., въ церкви, конечно, былъ канонъ священныхъ книгъ, но Маркіонъ первый—принимается за *критическое* собраніе апостольскихъ писаній. И мы выше уже замѣтили, что церковные писатели и учителя—Оригенъ, блаж. Иеронимъ признають серьезность работы гностиковъ по указаннымъ вопросамъ. Иринея, Тертулліана и св. Епифаній свидѣтельствуютъ объ увлекательности изложенія гностиковъ¹⁾. Такимъ образомъ гностицизмъ какъ бы подрывалъ устои церкви, будто бы слабо поставленные, утверждалъ свои, какъ не поколебимые. Значить, названнымъ отцамъ и писателямъ, въ борьбѣ съ гностицизмомъ, предстояла обратная не легкая задача—вырыть съ основанія опоры гностицизма и утвердить основы каеолической церкви.

¹⁾ Иринея. III, XV, 2; Тертулліанъ. Объ отводѣ дѣла гл. 42. Св. Епифаній (ср. XXVI, 2) упоминаетъ о „подложномъ увлекательномъ сочиненіи“ гностиковъ—*Εὐαγγέλιον τολμαστόν*.

Возвысить значеніе вѣшняго авторитета въ христіанскомъ знаніи, построить методъ познанія откровенныхъ истинъ исключительно на существѣ самого откровенія въ его рѣшительномъ отличіи отъ всего человѣческаго, указать должныя границы познаваемости христіанскаго ученія и выдвинуть на первый планъ болѣе практическій интересъ сравнительно съ метафизическимъ взяли на себя представители т. н. положительнаго или антигностическаго направленія—св. Иринея и Тертуліанъ. Развить христіанское ученіе въ противѣсъ гностицизму, обосновать истинный гносисъ на божеств. откровеніи, создать въ нѣкоторомъ смыслѣ христіанскую науку—было задачею александрійскихъ богослововъ—Климента Алекс. и Оригена ¹⁾.

Во 1-хъ, нужно было отдѣлить пшеницу отъ плевелъ и собрать во едино ученіе подлинное апостольское преданіе Индивидуальное, личное, „я думаю“, „мнѣ кажется“ въ благовѣстіи и выясненіи христіанскихъ истинъ должно было получить конецъ. Для этого древне-христіанское исповѣданіе вѣры при крещеніи было расширено до общеобязательныхъ *regula fidei* или *καὶ τῆς ἀληθείας*, — выраженіе единственно встрѣчающееся у Иринея (IV, 35). Это правило вѣры представляло собою краткое выразительное резюме апостольскаго ученія, извращаемаго со стороны гностицизма. У Иринея оно читается такъ: Вѣра „во единого Бога Отца, Вседержителя, сотворившаго небо и землю, и море, и все что въ нихъ, и во единого Христа Иисуса, Сына Божія, воплотившагося для нашего спасенія, и въ Духа Св., чрезъ пророковъ возвѣстившаго все домостроительство Божіе и

¹⁾ *Св. Ипполитъ*, давая въ своихъ сочиненіяхъ—въ синагмѣ противъ ересей, восстанавливаемой глав. обр. по псевдо-Тертуліану, и въ *Refutatio*—весьма много данныхъ для изученія гностицизма, не имѣетъ самостоятельнаго значенія, какъ полемистъ противъ гностиковъ. Однако заслуживаетъ полнаго вниманія „сущность хр. ученія“ (*ἀποδείξις τῆς ἀληθείας*), излагаемаго въ концѣ *Refutatio* X, 32—34.

пришествіе и рожденіе отъ Дѣвы, и страданіе и воскресеніе изъ мертвыхъ и вознесеніе во плоти на небо возлюбленнаго Христа Іисуса Господа нашего, а также явленіе Его съ небесъ во славу отчей, чтобы „возглавить“ и воскресить всякую плоть всего человѣчества, да предъ Христомъ Іисусомъ, Господомъ нашимъ и Богомъ, Спасомъ и Царемъ, по благоволенію Отца невидимаго, „преклонится всякое колено небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдаетъ Ему“, и да сотворитъ Онъ праведный судъ о всѣхъ: духовъ злобы и ангеловъ, согрѣшившихъ и отпадшихъ, а также и нечестивыхъ, неправедныхъ, беззаконныхъ и богохульныхъ людей Онъ пошлетъ въ огонь вѣчный,—напротивъ, праведнымъ и святымъ, соблюдавшимъ заповѣди его и пребывшимъ въ любви къ Нему отъ начала или по раскаяніи, даруетъ жизнь, подастъ нетлѣніе и сотворитъ вѣчную славу“ (I, X, 1). Значитъ, вѣра во единого Бога, творца міра, во единого Сына Божія, І. Христа, содѣлавшагося истиннымъ человѣкомъ, Спасителя всего человѣчества, и въ Духа Св.—вотъ основныя положенія символа, и каждое изъ этихъ положеній является противоположеніемъ (антитезой) гностическимъ заблужденіямъ. Во времена св. Иринея не было еще одного твердо установленнаго, правила вѣры: самъ онъ даетъ двѣ формулы, (см. стр. III, IV, 2). Тертуліанъ три (*De praescriptionibus* гл. XIII, *Virginibus veland.* 1), а Оригенъ позже присоединяетъ новую формулу (*περί ἀρχῶν*, I § 4). Однако основныя положенія повторяются повсюду, при свободныхъ выраженіяхъ, съ сохраненіемъ одного смысла. „Правило вѣры“ пользуется высокимъ уваженіемъ. Тертуліанъ выставляетъ, какъ обязательный принципъ: *Adversus regulam nihil*—ничего не звать противъ правила вѣры и это будетъ значить—знать все—*omnia scire est* (*De praescriptionibus*—XIV).

2. Но если „правило вѣры“ есть—признакъ каеолика, т. е. христіанина, принадлежащаго къ вселенской церкви,

то оно должно быть выраженіемъ подлинной апостольской традиціи. Между тѣмъ гностики только себѣ приписывали вѣрное храненіе апостольскаго преданія и указывали на многочисленныя книги, гдѣ оно записано, и лицъ, чрезъ которыхъ оно получено.—Вопреки гностикамъ нужно было изъ необозримой литературы, ходившей подъ апостольскимъ именемъ или посредственно возводимой на апостольскій авторитетъ, — сдѣлать собраніе подлинно апостольскихъ писаній и, въ огражденіе отъ всякихъ добавленій и наслоеній, выяснить ихъ исключительное достоинство—богодуховенность, сравнивъ ихъ такимъ образомъ съ ветхо зав. писаніями ¹⁾.

Св. Иринеѣ положительно устанавливаетъ, что есть только четыре евангелія (III, I, 1; IX—XI) и ставитъ на видъ Валентину, что онъ думаетъ владѣть большимъ количествомъ евангелій, а Марку дѣлаетъ упрекъ, что онъ наряду съ нашими евангеліями употребляетъ невыразимое множество апокриическихъ и неподлинныхъ писаній (III, XI, 8—9 Ср. I, VIII, 1). Св. Иринеѣ упоминаетъ о посланіяхъ ап. Павла, которые отвергали монтанисты (III, XI, 9), и объ ученія прочихъ апостоловъ (III, XII, XVI). Вопреки ссылкамъ гностиковъ на таинственные ученія, св. Иринеѣ ссылается на преданіе апостоловъ, извѣстное всей церкви. „Всѣ, желающіе знать истину, могутъ во всей церкви найти преданіе апостоловъ, открытое во всемъ мірѣ... При такихъ доказательствахъ, не должно искать у другихъ истины, которую легко получить отъ церкви, ибо апостолы, какъ богатъ въ сокровищницу, вполне положили въ нее все, что относится къ истинѣ“ (III, III, 1;—IV, 1).—Гностики вырывали пронасть между ветхимъ и новымъ завѣтомъ. Св. Иринеѣ доказываетъ единство завѣтовъ, согласіе писаній

¹⁾ Въ раннѣйшемъ мы не находимъ слѣдовъ опредѣленнаго канона свящ. книгъ и вопроса о боговдохновенности ихъ.

обоихъ заветовъ и боговдохновенность тѣхъ и другихъ писаній (IV, V, IX; XXV; III, VI, XVII; IV, XXXII). Гностики часто извращали писанія апостоловъ (I, II, 1, 6; VIII, 2). Св. Ирипей опровергаетъ ихъ (1, IX) и устанавливаетъ, какими правилами нужно руководиться при толкованіи, напр., притчъ и трудныхъ мѣстъ (II, XXVII).—Но особенно Тертуліанъ занятъ вопросомъ о преданіи апостольскомъ въ церкви и вѣрномъ его пониманіи ею. I. Христосъ, читаемъ у Тертуліана, свое ученіе „возвѣщалъ или явно народу, равно ученикамъ, изъ числа которыхъ особенно приблизилъ къ себѣ двѣнадцать, назначивъ ихъ учителями для народовъ... Они получили обѣщанную имъ силу Св. Духа для чудесъ и проповѣди, свидѣтельствовали вѣру въ I Христа и основывали церкви—сначала въ Іудеѣ, а потомъ отправлялись въ міръ и проповѣдывали тоже ученіе язычникамъ“... (De praeser. XX). Далѣе Тертуліанъ доказываетъ, что апостолы получили ученіе Христово во всей полнотѣ. „Было ли что либо сокрыто отъ Петра, который былъ названъ камнемъ, на которомъ была основана церковь, который получилъ ключи царства небеснаго и власть связывать и разрѣшать на небѣ и на землѣ? Было ли что либо сокрыто и отъ Іоанна, который былъ возлюбленнѣйшимъ ученикомъ Господа, который возлежалъ на персяхъ Его, которому одному только Господь указалъ на предателя Іуду, котораго вмѣсто себя усыновилъ Маріи? (De praeser. XXII). Преданное имъ ученіе апостолы были вполне способны понять (—XXIII). Тертуліанъ собиралъ книги, полученные отъ апостоловъ въ канонъ, указывая на согласіе священныхъ книгъ ветхаго и новаго завета и боговдохновенность тѣхъ и другихъ (см. Adver. Marc. IV, с. 4—5). Но особенно Тертуліанъ обращалъ вниманіе на методъ толкованія свящ. книгъ. У церкви, по пониманію Тертуліана, два критерія къ изъясненію св. Писанія: одинъ изъ нихъ онъ указывалъ въ авторитетѣ церкви, свидѣтельствующей

о своемъ писанномъ наслѣдіи (Adver. Marc. IV, с. 5), а другой въ правилѣ вѣры—*regula fidei*, съ содержаніемъ котораго должно согласоваться истолкованіе св. Писаній (ср. De praeser. XIV—Adversus regulam nihil).

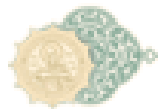
3. Кромѣ „преданія апостоловъ“, записаннаго ими въ свящ. книгахъ, было преданіе ихъ, передававшееся усно. Подлинное преданіе апостоловъ нужно отличать отъ ложнаго. На І. Христа и апостоловъ гностики такъ же охотно ссылались, какъ и ихъ противники католики. Слѣд. нужно доказать, что апостольское преданіе сохранилось лишь въ церкви. —Отвергнувъ ссылки гностиковъ на таинственные ученія, отмѣтивъ ихъ разногласія и раздѣленія (Ириней— III, XXIV, 1, XXVIII и др.), Св. Ириней и Тертуліанъ указали на вѣрный способъ храненія преданія апостоловъ въ церкви и какъ на доказательство и результатъ этого—согласіе, живущее въ церкви, ея постоянство и твердость. „Богинное познаніе, говоритъ Ириней, есть ученіе апостоловъ, и изначальное устройство церкви во всемъ мірѣ, и признакъ тѣла Христова, состоящій *въ преелствѣ* епископовъ, которымъ тѣ (апостолы) передали сущую повсюду церковь; и она во всей полнотѣ дошла до насъ съ неподдѣльными соблюденіемъ писаній, не принимая ни прибавленія, ни убавленія: здѣсь чтеніе (писаній) безъ искаженія и правильное и тщательное, безопасное и чуждое богохульнаго истолкованія писаній“ (III, 24, 8). „Мы можемъ перечислять, читаемъ у св. Иринея же, епископовъ, поставленныхъ апостолами въ церквахъ, и *прее чниковъ ихъ до насъ*, которые ничего не учили и не знали такого, что эти (еретики) бредятъ“ (III, 3, 1 ср. 4). Св. Ириней особенно выставляетъ *единство* и *вселенскость* церкви. Принявши это ученіе и эту вѣру, церковь, хотя и разсыпана по всему міру, тщательно хранить ихъ, какъ бы обитая въ одномъ домѣ; одинаково вѣруетъ этому, какъ бы имѣла одну душу и одно сердце; согласно проповѣдаетъ это, учитъ и пере-

дасть, какъ бы у нея были одни уста“ (I, X, 2) ср. „Проповѣдь церкви повсюду постоянно и неизмѣнно пребываетъ и имѣетъ свидѣтельство отъ пророковъ и апостоловъ и всѣхъ учениковъ въ начальныя времена и въ среднія и послѣднія“ (Ш, 24, 1). „Всякое ученіе, говоритъ Тертулліанъ, которое согласно съ тѣми (т. е. основанными самими апостолами—*sedes apostolicae*) апостольскими церквами, матерями и родоначальницами вѣры, должно считаться истиннымъ, такъ какъ оно, безъ сомнѣнія, содержитъ то, что церкви получали отъ апостоловъ, апостолы отъ Христа, Христосъ—отъ Бога“ (De praescr. XXI). „Христомъ установлено нѣчто *единое и достойное*, во что непременно должны увѣровать народы и что посему должны были искать, съ тѣми, чтобы увѣрывать, когда найдутъ“ (De praescr. 9). „Если ты желаешь упражнить свое стремленіе къ знанію болѣе благотвельно въ дѣлѣ спасенія, то обойди апостольскія церкви, у которыхъ стоять и доселѣ на своихъ мѣстахъ сѣдалища апостольскія, въ которыхъ читаются подлинныя писанія ихъ, которыя представляютъ ихъ голосъ и въ настоящее время замѣняютъ для насъ лице каждаго изъ нихъ. Если ближе къ тебѣ Ахаія,—имѣешь Коринѳъ; если ты находишься недалеко отъ Македоніи—имѣешь Филиппы... Они содержатъ то самое ученіе, которое предсказало ереси“ (De praescr. 36). Указавши на апостольское преданіе въ церкви, доказавши правильность храненія его и обладанія имъ въ церкви, повсюду распространившейся, но единой по духу, Тертулліанъ говоритъ, что такая единая церковь по праву можетъ сказать еретикамъ: „Кто вы? когда и откуда пришли? Что дѣлаете вы въ моихъ владѣніяхъ, не будучи моими? Ты Маркіонъ, по какому праву рубишь дѣло мое? Кто позволилъ тебѣ, Валентинъ, отводить въ сторону мои источники? А тебѣ, Апенелестъ, кто далъ власть передвигать мои границы? Это мое владѣніе. Вы, прочіе, зачѣмъ по своему усмотрѣнію здѣсь сѣдете и насыщаетесь? Это мое владѣніе... Я имѣю не

сомнѣнную довѣренность отъ тѣхъ владѣтелей, которымъ то принадлежало. Я наслѣдница апостоловъ. Какъ они распорядились въ своемъ завѣщаніи, какіи они учредили обязательства относительно тайны вѣры, какъ они обязали меня присягою, такъ я и владѣю наслѣдствомъ. Васъ же они лишили наслѣдства и отвергли, какъ чуждыхъ имъ, какъ враговъ“ (-- XXXVII).

Что касается Климента Алекс., то онъ въ полемикѣ противъ гностиковъ выдвинулъ два очень важныхъ, но частныхъ вопроса—1) о нравственной свободѣ человѣческой личности и покоящемся на ней этическомъ отношеніи человека къ Богу—и 2) о высотѣ брачной жизни. Какъ извѣстно, у гностиковъ убивалась нравственная личность и отрицалась брачная жизнь. Но главная заслуга Климента, учителя Александрійскаго въ выясненіи должнаго отношенія между *πίστις* и *ἡρώδης* въ противовѣсъ гностическимъ ложнымъ представленіямъ.—Однако Климентъ Александрійскій не оставилъ полной обоснованной системы христіанскаго ученія. Честь въ этомъ отношеніи принадлежитъ его ученику Оригену. Его сочиненіе „*Περὶ ἡρώδης*“ представляетъ первый опытъ научно систематическаго изложенія христіанскаго вѣроученія. Это сочиненіе имѣло большое вліяніе на послѣдующее догматическое развитіе. И это знаменитое сочиненіе явилось, какъ результатъ борьбы съ гностицизмомъ. Кто-то гдѣ-то вѣрно сказалъ: если-бы не было гностиковъ, то не было-бы и Оригена...

Чтобы понять великое значеніе побѣды церкви II в. надъ гностицизмомъ, нужно помнить о силѣ противника и его страшныхъ угрозахъ церкви. Если въ кровавыхъ гоненіяхъ церковь имѣла дѣло съ внѣшнею силою умиравшаго язычества, которая только закаляла нравственное мужество исповѣдниковъ Христовыхъ и рождала мучениковъ и христіанъ,—то въ гностицизмѣ выступила противъ христіанства духовная мощь язычества—восточная теософія и эллинскій

духъ, который не умираетъ и доселѣ (иъ наукѣ и культурѣ). Гностицизмъ вовлекалъ христіанство въ процессы разложенья до-христіанскихъ религій. Христіанству грозила опасность разбиться на секты и партіи, которыя въ концѣ концовъ поубили и гностицизмъ... Но церковь побѣдила гностицизмъ. И не однѣмъ ученымъ своимъ спламъ обязана; она этой побѣдою. Гностики были въ большинствѣ образованнѣе и искуснѣе, чѣмъ ихъ христіанскіе противники. При томъ, св. Ириней, Тертуллианъ и Климентъ Александрійскій только родились (около половины II в.), когда гностическіе эпигоны—Маркіонъ, Василидъ, Валентинъ—уже сходили со сцены и уступали свои мѣста пигмеямъ—Марку, Птоломею, Апеллесу. Несмотря на свою талантливость, образованность и опытность, гностики были побѣждены,—побѣждены потому, что они стояли на гниломъ основаніи и защищали ложь: неправильное ученіе привело ихъ къ извращенной жизни—антиномизму или либертинизму. Напротивъ, поборники каеонической церкви были сильны своею истиною и высокою нравственною жизнію. Значить, церковь побѣдила въ концѣ концовъ силою истины и своею нравственною безпорочностью, невинностью „чистой дѣвы“, „силою Духа Божія. Если гдѣ, то здѣсь, въ борьбѣ съ духовною крѣпостью древняго міра, приложимы великія слова наперсника Христова: „сія есть побѣда, побѣдившая міръ,—вѣра наша“!

М. Посновъ.